

Светлана Комракова

ПОЛЯРНЫЙ - МОСКВА

р о м а н

Светлана Комракова
Полярный – Москва

«Издательство Ивана Лимбаха»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Комракова С. С.

Полярный – Москва / С. С. Комракова — «Издательство Ивана Лимбаха», 2020

ISBN 978-5-00170-044-9

Жизнь отдельного человека может быть и заурядной, и чрезвычайно интересной – всё зависит от угла зрения и, главное, от того, кто рассказывает историю. Светлане Комраковой удалось превратить историю жизни, казалось бы, обычной женщины в увлекательный роман. Классический сюжет «Детство, отрочество, юность, первая любовь» приобретает у неё черты прустовского «утраченного времени»: каждая деталь, оттенок чувства выписаны психологически верно. Невозможно не сопереживать главной героине, её простым, но глубоким чувствам, нехитрым драмам и трагедиям – всему тому, что делает каждую жизнь неповторимой, удивительной, бесценной.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-044-9

© Комракова С. С., 2020
© Издательство Ивана Лимбаха, 2020

Содержание

Точки памяти	7
Полярный	9
Мама а я	10
Детский сад	11
Моя география	12
Дорога в деревню	13
Мамина мама	14
Папина мама	15
Сестра Ленка	16
Раиса и Тарас	17
Поле	18
Земляника	19
Погреб	20
Грозы	21
Герман Титов	22
Деревенские свадьбы	23
Деревенские судьбы	24
Сенокос	25
Библиотека и медпункт	26
Дядя Яша	27
Поездка на «Волге»	28
Железная дорога	29
Судовая Вишня	30
Проблемы взрослых	31
Первая учительница	32
Хореография	33
Уроки музыки	34
Вокал и прочее	35
Политинформация	36
Гагарин	37
Приём в пионеры	38
Первый телевизор	39
Драматический талант	40
Подруги	41
13 лет	43
Отъезд	44
Троица	45
Находка	46
Седьмой «в»	47
Третья четверть	48
Кинотеатр «Север»	50
Зимние развлечения	51
Интриги	52
Грипп	53
Комсомол	54
Конфликт	55

Восьмой «в»	56
Новый год	57
Проводы зимы	58
Новое знакомство	59
Снова каникулы	60
Девятый «в»	61
Письмо	62
Тамара и Таня	63
Светин день рождения	64
ТЮП	65
Дебют	66
Лариса Журавель	67
Собрание	68
Школьный вечер	69
Ноябрь	70
Вечер поэзии	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Светлана Семёновна Комракова

Полярный – Москва

роман

© Комракова С. С., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

Точки памяти

Проза Светланы Комраковой в этой книге – это неподкупная человеческая исповедь. Читал её с волнением, ведь входить в подробности жизни другого человека всегда и боязно, и увлекательно, а иногда и драматично. Окажется ли это интересным? Биографический роман – жанр сложный. Как найти в своей жизни то, что позволило бы читателю сопереживать персонажам? Комракова заинтриговывает с первой страницы. Начало повествования сразу же объясняет нам, почему в названии романа присутствует город Полярный. Там прошло детство героини, там она окончила школу, там созрели в ней все впечатления, что формируют личность надолго. Неповторимый северный колорит, климат, влияющий не только на метеорологические характеристики, но и на характеры людей, больная, но в то же время великая своими героическими людьми история нашей страны, – всё это переплелось в прозе Комраковой в тугой художественный узел, который распутывать одно удовольствие.

Роман классически закольцован. Вместо знаменитого прустовского печенья «Мадлен» здесь спусковым крючком для начала повествования является 100-летний юбилей города Полярный, куда героиня приезжает вместе с дочкой примерно того же возраста, в котором была она сама, когда покидала это место.

Далее мы вместе с героиней погружаемся в череду её воспоминаний о начальной поре своей жизни. Воспоминания эти написаны очень лично, но с высоты опыта, как будто чуть-чуть от третьего лица, хотя, разумеется, по факту от первого. Чтобы понять особенности стиля прозы Комраковой, достаточно процитировать начало главы «Музыка».

Ещё мне очень хотелось заниматься музыкой. В Доме офицеров открывалась музыкальная студия. Детей пригласили на прослушивание. Мы ходили под музыку по кругу, выполняли какие-то команды, в итоге меня не приняли. Я безутешно рыдала. Та же соседка сказала моей маме, с кем ей надо поговорить, мама поговорила, и теперь меня взяли без всякого прослушивания...

Ясная, во многом неприхотливая манера изложения полностью оправдана тем, какой интонации стремится в данном контексте добиться прозаик. Но при всей неприхотливости, ни один, даже самый изощрённый литературный гурман не найдёт в «Полярном» банальностей, самоповторов или каких-то стилистических неполадок. Видно, что у автора хорошо поставлена рука, тема вьётся непрерывной нитью, а вокруг неё складно развиваются второстепенные линии.

Надо отметить, что композиция в этом романе очень умная. Следующие одна за одной маленькие главки построены не по принципу хронологи, что в такого рода прозе вполне естественно, а по событиям, по своеобразным контрольным точкам памяти, которые и есть наше прошлое, и есть наша жизнь. Понимание этого принципа под силу лишь тонким натурам; когда человек с таким видением прошлого берётся за перо, проза получается пристальной и объективной, без капли бравады и попыток запечатлеть себя с завышенной самооценкой, а потому карикатурно.

Характер героини формируется буквально на наших глазах. Вот она перебаливает всеми желаниями маленькой девочки, потом познаёт мир, потом познаёт его конфликтность и горячую несправедливость.

Наступила последняя четвертая четверть, и в апреле наш седьмой «в» взбунтовался против своей Нелли Гавриловны. События катились, как снежный ком. Какие-то мелочи,

неудовольствие друг другом привело к тому, что мы объявили своему классному руководителю бойкот. Юность жестока и беспощадна, увы. Нелли Гавриловна слегла. Мы поостыли. Первыми проявили жалость и сострадание девочки. Навестили учительницу и повинились в том, в чём были не правы. Вроде бы восстановился внешний мир. Мы тихо закончили седьмой класс, и больше классным руководителем Нелли Гавриловна у нас не была, а вскоре, как мне кажется, совсем ушла из школы.

Я не из тех, кто склонен идеализировать советское прошлое, и, наверное, готов иногда вообще перечеркнуть его, но такие книги, как эта, меня останавливают. Никогда нельзя забывать, что светлые стороны человеческой природы нельзя не замечать. А среди советских людей светлых, пусть и часто заблуждающихся душ, было предостаточно. Именно такие люди населяют роман Светланы Комраковой «Полярный – Москва». И читатель живёт с ними от первой до последней страницы в ладу. Думаю, что к такому высокому художественному эффекту приводит то, что Комракова сама человек, никогда не позволяющий злу восторжествовать внутри себя, даже на короткое время. А это беспрюгрешная защита против зла внешнего. В этом же своеобразная мораль этого совсем не моралистического романа.

Вот несколько небольших портретов из романа. Сколько в них любовной памяти, какая стереоскопичность черт! Старая фотография словно оживает:

Сашика Абраменков – умница, интеллигент, порой пизжон. Валя Захарова – девочка со сложным характером и судьбой. Они дружили с Натальей Дергачёвой раньше, чем появилась я. И, надо сказать, что я Валю не всегда понимала, а Наталью к ней порой ревновала. В наших спектаклях Захарчик, как все её звали, участвовала редко, но в рядах зрителей и болельщиков – почти всегда.

Петя Ефременко. По части красоты он мог поспорить с Сашикой Шестаковым, но по характеру и темпераменту это совершенно разные люди. Ну а рядом с Петей – конечно я, сияющая и довольная.

Читайте прозу Светланы Комраковой. В ней есть главное, что интересует людей, – люди. И люди эти достойны того, чтобы о них читали.

Максим Замшев, Главный редактор «Литературной газеты», Первый заместитель председателя МГО Союза писателей России, Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Президент Академии поэзии

Полярный

В воскресенье 25 июля 1999 года в яркий солнечный день я бежала по городу Полярному из Палой губы к месту проведения парада, посвящённого дню Военно-морского флота. Настроение было совсем не праздничное: накануне моя взрослая дочь ушла гулять со старшим лейтенантом, с которым лишь вчера познакомилась, и не вернулась. Через брата передала, что будет в 9 утра на месте проведения парада. Надежда моя на то, что дочь сдержит слово, была очень маленькой, но я шла к месту встречи.

Народу на улице было мало, дорога моя лежала мимо дома, рядом с которым громко лаяла не видимая мне собака. Страх перед ними у меня неконтролируемый, и, хотя мне надо было попасть к месту встречи, я остановилась и огляделась – никого. Спустя несколько секунд из-за дома появился молодой офицер, явно направляющийся к месту парада.

Я набралась наглости и сказала:

– Господин офицер, с праздником! Извините, но требуется Ваша защита.

– От кого?

– От собаки. Не могу пройти.

– Пойдёмте вместе.

Когда мы увидели эту собаку, мне самой стало смешно: маленькая и безобидная. Офицер оказался разговорчивым.

– Вы недавно в нашем городе?

– Да, приехала с детьми в пятницу на празднование 100-летия Полярного.

– А вы здесь жили?

– Да, папа служил, а я прожила здесь 18 лет, закончила школу и уехала в Москву.

Разговорились, поведала ему про свою загулявшую дочь.

– Не волнуйтесь, – говорит, – у нас здесь спокойно. А с кем?

– Со старшим лейтенантом.

– Это уже опаснее.

Я понимаю, что шутит, но мне не смешно. Про себя думаю: если дочь моя не появится до обеда, объявлю всероссийский розыск.

Офицер простился и ушёл по своим делам, я перешла на другую сторону дороги, чтобы лучше было видеть построение колонн и зрителей, среди которых, возможно, моя дочь.

Время шло. Начался парад. Под звуки оркестра шли маршем офицеры и матросы, я вертела головой в разные стороны в поисках дочери, смотрела на новые и старые дома Полярного, пыталась понять и прочувствовать, что я здесь, в родном городе, через 30 лет после своего отъезда. И память возвращала меня к самому началу...

Мама а я

Я родилась 27 апреля 1951 года, в пятницу на страстной неделе, в городе Ленинграде. О том, что я родилась при Сталине, я узнала позже, что такое страстная неделя – значительно позже, а ещё позже и город Ленинград снова стал называться Санкт-Петербургом.

А в 1951 году мой папа, будучи человеком военным, учился в Ленинграде, мама была при нём, и я появилась на свет во Фрунзенском роддоме. Родители мои снимали комнату, и хозяйка порой носила меня ночью на руках, чтобы моя мама могла поспать, и будила её, когда подходило время кормления. Моя мама и по сей день вспоминает её добрым словом.

Мама хотела назвать меня Ольгой в честь моей бабушки. Но у папы были другие планы. Он хотел, чтобы дети в его семье носили те же инициалы, что и он. А он был Семён Степанович, стало быть – С. С. Поэтому и меня папа назвал Светланой. В детстве я не очень любила своё имя. Ну что такое Света? Вот в сказках имена: Стелла, Цинцинелла! И я порой упрекала маму, когда подросла:

– И почему вы не назвали меня Цинцинеллой?

Прожив в Ленинграде после моего рождения ещё несколько месяцев, мои родители поехали на Север, в город Полярный, к месту службы моего папы. Папа служил, я подрастала, мама занималась мной и хозяйством и пока не работала.

В Полярном возле Циркульного магазина, который так назывался из-за полукруглой формы дома, где он располагался, был памятник Сталину. Памятник стоял спиной к магазину и лицом к Кольскому заливу. Монумент казался огромным. Он был на высоком красно-сером постаменте с красивой чугунной оградой. К этой ограде я однажды и прилипла, вернее, примерзла языком. Мама ушла в Циркульный магазин, меня оставила гулять возле. Была полярная ночь, темно и морозно. Постояв и поскучав, я зачем-то лизнула ограду, чёрную, чугунную, холодную. И почувствовала, что снова убрать свой язык в рот не могу. Как меня отлепляла мама, вернувшись из магазина, осталось для меня загадкой. Но, наверно, поэтому больше она меня на улице не оставляла, а брала с собой в магазин. И, когда она стояла в очереди за мясом, я томилась неподалёку, разглядывала картинки с кусками мяса, которые мне очень не нравились, и любовалась на стройные бело-синие пирамиды из банок сгущённого молока, которые мне очень нравились.

Полярная ночь сменялась полярным днём, когда светло днём и ночью. Мама всё ещё не работала и иногда водила меня в кино. Из тех времён помню мультики «Золотая антилопа», «Белоснежка и семь гномов», фильм «Багдадский вор». Всё это было цветное, яркое, незабываемое. Фильмы показывали в Доме офицеров флота, как его все называли – в ДОФе. Это был центр культуры нашего города, и мне он казался большим, красивым и просторным.

Жили мы в коммунальной квартире на улице Североморская, занимали одну комнату. Помню, мама мыла пол, я сидела на диване и просила рассказать мне сказку. А мама ответила, что мыть пол и рассказывать сказки не очень-то удобно, что меня весьма удивило. Комната осталась в моей памяти большой, светлой и чистой. И в ней помню себя и маму, а папа всё время пропадал на службе.

Детский сад

Когда мама стала работать, я пошла в детский сад, от которого остались два ярких воспоминания. Одно неприятное – о каком-то невкусном лекарстве, которое нас заставляли принимать иной раз на полдник. И другое приятное – о новогодних утренниках. На этих утренниках я была Снегурочкой.

Мама сшила мне из марли красивое платье, юбка с воланами, всё платье было украшено блёстками, а блёстки делались так: в тряпочке разбивали блестящую ёлочную игрушку, на платье наносили слой клея, а на этот слой – осколки от игрушек. Были у меня и шапочка, и муфта. Всё такое же красивое и блестящее. Остальные дети были зайцами, медведями и снежинками. А я выходила на зов Деда Мороза и пела:

*Меня все звери знают,
Снегурочкой зовут,
Со мной они играют
И песенки поют.*

В новогодний праздник весь детский сад украшали и воспитатели, и нянечки, и мы. Взрослые вешали под потолок ватные шарики на ниточках – это снег, мы делали из разноцветной бумаги гирлянды. В зале ставили большую, до потолка, ёлку, украшали её игрушками. И возле ёлки сидел обычно дед Мороз, к которому выходила я в роли Снегурочки, вокруг ёлки водили хороводы снежинки, зайцы, медведи, и один из медведей был Коля Куташов, но о нём гораздо позже.

Моя география

С точки зрения географии моя детская жизнь протекала в трёх местах: на Севере, в Полярном – осенью, зимой и весной; в рязанской деревне у бабушки – летом; в Москве – проездом.

Первое московское воспоминание связано с метро. Мы с мамой куда-то ехали, входили в вагон метро в толкучке, и у меня с ноги упала туфелька, о чём я и сообщила маме: «тяп-тяп!» Судя по лексикону, мне было чуть больше года. Помню себя у мамы на руках: в вагоне теснота и одна туфелька на ноге. Приехали на станцию, вышли, поезд уехал, люди разошлись, а мама со мной на руках подошла к какой-то тётеньке, которая взяла длинную палку и достала мою туфельку с рельсов.

В моей детской голове осталась полная уверенность, что, пока мы с мамой ехали в вагоне поезда, моя туфелька ехала внизу по рельсе. Того момента, что мама со мной возвращалась на другом поезде на станцию, где с меня свалилась туфелька, не отложилось совсем. Зато хорошо помню всеобщее людское внимание ко мне и маме со стороны пассажиров и сочувствие к нашей потере.

Первое деревенское воспоминание связано с дедушкой. Он был невысокого роста, худощавый, седой и добрый. Звали его Иван Гаврилович. Если ходил в лес за земляникой, всегда приносил мне кулёк ягод, сделанный из бересты.

Я любила его трезвым и боялась пьяным. А пил он, как многие деревенские мужики, запоем. Тогда бабушка Оля искала его по всей деревне, сердилась и ругалась. Бабушка была женщиной решительной, эмоциональной, с крутым характером. Это были мамины родители. Папина мама, моя вторая бабушка Поля, жила в той же деревне; была она женщиной тихой и немногословной.

Дорога в деревню

В деревню мы ездили каждое лето. Дорога была долгой. Сначала мама заранее брала билеты в железнодорожной кассе. Затем папа просил шофёра ГАЗика («козла») довести нас до порта, который находился в местечке под названием Кислая Губа. Оттуда на рейсовом катере мы добирались до Североморска. Затем автобусом до Мурманска, и в Мурманске уже погружались на поезд, который вёз нас в Москву 36 часов.

В Москве нам предстояла пересадка. Обычно мы задерживались в столице на день-другой у бабы Марфуши, которая приходилась нам дальней родственницей. У неё оставляли вещи, а сами ездили по магазинам. Конечно, это были ГУМ, ЦУМ, «Детский Мир». Мама нервничала, мы стояли в очереди, но обычно покупали всё, что было нужно: школьную форму, обувь, пальто или ещё что-то. Не забывали и о продуктах. В большом количестве закупали сушки, баранки и сухари, которые потом в деревне съедали.

Закупив всё, обычно ближе к вечеру ехали на Казанский вокзал, компостировали (ужасно непонятное было слово) билеты, садились на поезд Москва – Челябинск или Москва – Рузьевка и ехали до станции Шилово. Мама обычно ночью не спала, боясь проехать свою станцию. На станции поезд стоял 2 минуты, поэтому к выходу мы готовились заранее, а когда поезд останавливался – мы быстро сбрасывали наши многочисленные вещи, выходили сами. За всё путешествие вещи – «места» – неоднократно взрослыми пересчитывались во избежание потери.

В Полярном жила и единственная мамина сестра Раиса. У неё был сын Юра, и путешествовали мы таким образом большой компанией: Раиса, Юра, мама, мой младший брат Серёжа и я. Мамы всегда говорили, что дорога для них – мучение. А мне нравилось, но напряжение взрослых передавалось и нам.

Итак, Шилово. Обычно поезд приходил сюда рано, и приходилось ждать первого автобуса на вокзале. Автобус отправлялся около 7 утра, брали его всегда штурмом, и через час, подпрыгивая на плохой дороге, мы добирались до деревни Сельцо-Сергиевка.

Мамина мама

Если мы приезжали без папы, то останавливались у маминой мамы, бабушки Оли. Своё появление в деревне в раннем возрасте помню как праздник. Я нарядная, даже с воздушными шариками, вокруг меня мои деревенские подружки и просто дети, пришедшие посмотреть на городского ребёнка. Потом с возрастом любопытных поубавилось, а других городских детей, приезжающих на лето, прибавилось, и встречали меня лишь две подружки: Таня Шитова и Лена Комракова, моя двоюродная сестра со стороны отца.

У маминых родителей было 5 детей. Моя мама, тётя Рая, дядя Коля, дядя Лёша и дядя Вася. С бабушкой в деревне не жил никто. Поэтому, когда мы приезжали, бабушка принимала нас у себя. Была она женщиной строгой, властной, говорила громко. В детстве она казалась мне большой, полной. С утра бабушка топила печь. Иногда баловала нас блинами, которые пекла в печи. Блины были толстые, румяные и вкусные. Со сметаной, мёдом или сливками. Окна бабушкиного дома – на восток. Утром просыпаешься, яркое солнце светит в окна, пахнет только что испечёнными блинами. Это было прекрасно.

Леса возле деревни земляничные и грибные. Мама с тётей Раей иногда рано уходили в лес, я оставалась с бабушкой и ждала их возвращения, стоя на окне в полный рост: стало быть, такой у меня был рост в то время, а в деревенских домах окна небольшие, примерно 1 метр в высоту.

Вечера в деревне были довольно унылыми. Все рано ложились спать. И когда я спала в бабушкином доме, тёмные окна, которые были вокруг меня, своим видом внушали мне страх.

У бабушки были всегда собака и кошка. Для меня бабушка оставляла и одного котёночка. Котёнок и кошка были обычно солнечной бело-рыжей окраски. А во дворе у бабушки было много разной скотины: корова, свиньи, овцы, куры. Бабушка для них готовила еду, а дедушка кормил, ходил за травой, бабушка же давала ему указания.

Помню себя и бабушку в церкви. Очень много народу, душно, горят свечи. Большой, очень красиво одетый батюшка даёт мне с ложечки что-то вкусное. Вспоминание довольно размытое. Теперь понимаю, что бабушка водила меня причащаться. А дорога была неблизкая: два километра до соседнего большого села Инякино, да там ещё до церкви. А церковь очень большая. О её размерах можно судить по тому, что в разгар социализма в здании церкви был гараж для тракторов.

Дом у бабушки рубленый, построен в 1935 году. А комнат в нём две. Первая – в ней печка, стол: здесь едят. Вторая – горница. В красном углу портрет Ленина. Когда-то дедушка снял оттуда иконы, несмотря на протесты бабушки, и повесил этот портрет. Диван, стол, за перегородкой с занавесками бабушкина и дедушкина кровати.

Потом, когда я уже стала старше, построили перед домом, чуть правее, чтобы не загорать окон, сарай. Сруб невысокий, над ним крыша, крытая шифером, под ним погреб. И сам сарай этот почему-то в деревне зовётся погребом. Поставили в нём кровати, и теперь, приезжая в деревню без папы и останавливаясь у маминой мамы, мы уже спали не в доме, а в «погребе».

Папина мама

Ну а папа всегда приезжал позже. Дела военной службы задерживали. Тогда по деревенским законам мы перешли на жительство к папиной маме – бабушке Поле. У неё, кроме моего папы, был ещё один сын, Алексей, который со своей семьёй жил вместе с бабушкой. У него была жена, тётя Рая, сын Слава и дочка Лена, моя ровесница, двоюродная сестра и подруга.

Дом их был такой же, как у бабушки Оли, а вот «погреб» не было, поэтому я спала с Ленкой в чулане, а родители в «погребе» у соседей.

По приезду в первый же вечер папа посещал родственников со стороны мамы. Надев чёрный флотский мундир со всеми регалиями, прихватив меня и маму, он гордо шествовал по деревне, изредка останавливаясь и беседуя с родственниками или знакомыми. Бабушка Оля встречала важного гостя, кормила ужином, угощала водочкой. Папа мой любил выпить. Выпив, как следует закусив, он недолго поддерживал беседу, находил ближайший диван и засыпал. Словом, вёл себя достаточно тихо. Но его брат Алексей, выпив, начинал задираться, шуметь и скандалить с тётей Раей – своей женой, бабой Полей. Скандалы были громкие, с матом, иногда с дракой и вызывали у меня страх, поэтому жить у бабы Поли я не любила.

Помню лето, когда папа, находясь в деревне, получил вест, что ему присвоено очередное воинское звание – капитана III ранга, по сухопутному – майора. Отмечали это событие, как водится, ужином с возлияниями. Сидели за столом на вольном воздухе, под раскидистыми ветлами. Темнело. И вдруг на другом конце деревни, как раз в той стороне, где жила бабушка Оля, взметнулось вверх яркое и страшное пламя! Пожар! Первая мысль – чей дом горит? не бабушкин ли? Бегом все бросились к месту пожара. Представляю, какие мысли пронеслись в голове у моей мамы, пока мы бежали. Горел двор за два дома от бабушки Оли, двор, крытый соломой, это он вспыхнул, как факел. Общими усилиями тушили пожар. И благодарили Бога, что нет ветра и огонь не может перекинуться на соседние такие же соломенные крыши дворов и домов.

Надо сказать, что деревня вся вытянута в одну линию, с севера на юг. Дома смотрят друг на друга. Одни на восток, другие – на запад. Длина у деревни небольшая, немногим больше километра. И все говорят: «тот конец, этот конец». Вот и получается, что дома моих бабушек находились на разных концах деревни. А где-то посередине деревни был клуб. В клубе устраивались танцы или демонстрировалось кино, но не каждый день.

Баба Поля, папина мама, была женщина невысокая, худенькая, молчаливая, всем своим видом выражавшая недовольство. Она выполняла несложную работу по дому, кормила скотину. У этой бабушки тоже были и корова, и свиньи, и куры. Когда все дела были закончены, баба Поля ложилась спать и засыпала мгновенно в любое время суток. Её невестка, тётя Рая, работала дояркой на колхозной ферме. Она ходила доить коров рано утром, днём и вечером.

Кто-то из этих двух женщин в доме готовил, и, когда наступало время обеда, на стол ставилась одна большая миска щей, сваренных в русской печке, все садились вокруг этой миски и ели щи деревянными ложками. Еда была нехитрая и не очень вкусная. Из всего скудного однообразия деревенской еды мне больше всего нравилась тыква, пареная в русской печке. У бабы Поли, как и у бабы Оли, был огород, но всё как-то у них было не очень уютно. Единственное, что этот дом отличало от дома бабы Оли с хорошей стороны, – это то, что в нём всегда было чисто прибрано.

Сестра Ленка

Моя двоюродная сестра Ленка старше меня всего на три месяца. Поэтому, когда я приезжала в деревню, у нас с ней было о чём поговорить, чем заняться. В хорошую погоду мы с ней ходили на речку. Речка недалеко от деревни по дороге к лесу и течёт параллельно самой деревне.

Речка одна, а названий у неё несколько. Та часть речки, что течёт на уровне дома бабы Оли, называется Мильчус, а та часть, что на уровне бабы Поли, – Шашуркино.

Мильчус – речка мелкая, но само место с деревьями ольхи очень живописное. Мама с тётушкой любили там стирать, а при необходимости могли и окунуться в мелководье.

Шашуркино – глубже и шире, в нём вполне можно было плавать, но место само голое, деревья все растут в отдалении. Папа мой предпочитал загорать и плавать в Шашуркино. Отсутствие тени его не беспокоило, он с удовольствием жарился на солнце до багрового оттенка кожи.

Мы с Ленкой выбирали то или иное место на речке в зависимости от возраста, настроения и наличия кавалеров. Когда мы были поменьше, мы с удовольствием ходили на Мильчус. Выйдешь из дома бабы Поли, дойдёшь до переулка, свернёшь в него, дальше колхозное поле, на котором растут огурцы. В поле тропинка к лесу, но так как поле распаханно на грядки, то тропинка неровная, и идёшь по ней как по пересечённой местности, шлёп-шлёп босыми пятками по утрамбованной земле. Если есть огурцы, то можно сорвать один-другой и съесть по дороге. Вот и оляшник (так в деревне называются растущие вместе деревья ольхи), и речка. Мелкая, дно песчаное, его хорошо видно, видно и мальков, снующих в воде.

Вот теперь можно и окунуться. Нам с Ленкой никогда не было скучно: купались, загорали, болтали.

Раиса и Тарас

Очень хорошо помню деревню в яркую солнечную погоду. Вот мы идём в лес, мама, Раиса, её муж дядя Тарас, дети. Идём просто так, на прогулку. Зелень вокруг изумрудная, трава пестрит разными цветами, а над цветами носятся бабочки, одна другой красивее.

Дядя Тарас из ветвей берёзы мог сплести качели, посадить на них свою Раиску и покачать её. От этого воспоминания светло на душе и тепло на сердце. Влюблён дядя Тарас в Раису всю жизнь, а уж в молодости души в ней не чаял.

Поженились они в Полярном, свадьба была у нас в доме, и, как утверждает тётя Рая, я чуть не разрушила её семейную жизнь в самом начале. Мне тогда было 4 года, и я посчитала своим долгом сообщить дяде Тарасу, что тётя Рая наша ничего не умеет, только носки вязать. Взрослые смеются, мол, хорошо, что на Тараса это не произвело впечатления. Он просто сказал, что в носках у него не будут мёрзнуть ноги.

Помню, как Раиса ходила беременная и собиралась родить своего единственного сына. Мне было тогда 6 лет. У тёте Раи всё время было недомогание, мучили головокружения, но тем не менее она благополучно родила своего Юрика 3 апреля. Пролежав в больнице положенное время, она выписалась, а скоро подошло время ехать в деревню.

Раиса с Юриком были у нас, готовились к отъезду, и тётя Рая попросила своего мужа принести ей из дома ещё одну пару туфель. Он ушёл, а когда вернулся – принёс с собой целую сетку-авоську. Раиса лежала у нас на диване, чувствовала себя неважно, но когда она стала разбирать принесённую мужем сетку, то вдруг снова упала на диван, но теперь уже от хохота: в сетке не оказалось ни одной пары туфель – все почему-то были по одному от разных пар.

Мой двоюродный брат Юра младше меня на 6 лет, а двоюродная сестра Таня Шмачкова – на 5 лет. Дядя Лёша – мамин родной брат; его жену, тётю Люсю, я тоже помню беременной, когда она стояла на крыльце бабушкиного дома в яркий солнечный день. Откуда, интересно, в свои 5 лет я знала, что если у тёти Люси такой большой живот, то у неё будет ребёнок?

Когда мы приехали с маленьким, наверно, трёхмесячным, Юриком в деревню, тётя Рая всё боялась, как бы его не сглазили. Поэтому, когда кто-нибудь приходил посмотреть на ребёнка, я старательно прикусывала во рту язык от сглаза, как меня научили взрослые.

Дядя Тарас приезжал в деревню нечасто. По профессии он строитель, а летом на вечной мерзлоте в Полярном самое строительство. И досужие деревенские кумушки ввиду отсутствия Тараса уже стали сомневаться в его реальном существовании. И меня, ребёнка, избрали для выяснения истины. Нет-нет да кто-нибудь спросит у меня: «А дядя Тарас с тётей Раей живёт?» Я, конечно, отвечала утвердительно, как оно и было на самом деле, но с детства остался у меня неприятный осадок от любопытства такого рода. Ещё помню, как любили меня спрашивать, какую бабушку я больше люблю – мамину или папину. Я отвечала, что и ту, и другую. Хотя на самом деле любила я бабушку Олю. Но тут уж мама моя во избежание сплетен научила меня этому ответу.

Да и вообще от людей в деревне, наверно, благодаря взрослым разговорам и рассуждениям бабушки Оли, осталось впечатление как от каких-то судей, которые разглядывают тебя и твою родню под микроскопом и выискивают недостатки и промахи, чтобы тут же подвергнуть жесточайшему осуждению. Воспоминаний о дружбе, взаимовыручке деревенских соседей в жизни обычной (не в экстремальных условиях) не осталось. Так ли было на самом деле? Или это мнение бабушки Оли? Но до зрелого возраста впечатление, что в деревне каждый под пристальным наблюдением, сохранилось.

Поле

Мы с Ленкой любили ходить и в поле. Поле находится за деревней к западу, а лес на востоке. Что росло в этом поле? Во всякое лето – разное. То это был горох, то пшеница, то картошка. Если горох, то его можно было сорвать и съесть, если пшеница, то её украшали синие головки васильков, которые мы собирали, если картошка, то это была просто картошка.

В поле в нескольких местах были оставлены деревья, небольшой кустарник и небольшие овражки, пересечённая местность. Деревья – три старые ветлы – были прекрасным местом для игр. Кустарник был оставлен, наверное, потому что рос в небольшом овраге – эту неровность почвы обходили трактора. Там росла полевая гвоздика, щавель, а щавель, переросший в столбик, называли стреличками и ели. Ели просто так или с солью, что казалось ещё вкуснее.

Жарко, солнце, высоко в небе заливается жаворонок. Мы сидим в овраге, жуём стрелички. Ленка, я и Таня Шитова. Она к нам присоединялась нечасто, так как помогала дома по хозяйству: ходила за травой для свиней, собирала в лесу землянику или грибы. А если сидела дома, то занималась вышивкой. Получалось у неё очень красиво и быстро. Приохотила она к вышивке и нас с Ленкой, но мы порой ленились, поэтому не достигли в искусстве вышивания Таниного совершенства.

Земляника

Поход в лес за земляникой – это в деревне целый ритуал. Обычно встают рано, чтобы часов в 5, позавтракав, выйти из дома. Пешком, отмахав пару километров, добираются до ягодных мест и начинают собирать. Взрослые – в эмалированные бидоны, дети – в кружки. Цель – набрать ягод полный трёхлитровый бидон. Если нападают на ягоду крупную и обильную, своих призывают на подмогу шёпотом, чтобы другие не слышали.

На обратном пути, возвращаясь с полным бидоном, если встречаются кого-то из знакомых, то в ответ на вопрос «хороша ли ягода?» обычно сетуют, что ягода, мол, никудашная, все умаялись, собираючи. И за время сбора обычно приносили по несколько бидончиков земляники. Но надо признаться, что работа эта нелёгкая. За каждой ягодкой надо наклониться или собирать её, сидя на корточках, да ещё те два километра, что прошли до ягодных мест, надо пройти обратно уже по жаре и солнцепёку. Поэтому, возвращаясь с ягодами, обычно пообедали и ложились отдыхать, а потом мамы варили земляничное варенье.

У бабушки Оли, кроме русской печки, была лишь керосинка, поэтому варенье варили на задах огорода на костре. Запах плыл над всей деревней. А какая вкусная была пенка!

Потом, значительно позже, когда удалось уговорить бабушку установить газовую плиту, стали варить быстрое варенье – пятиминутку – и закатывать в банки. Или ещё проще – протирать землянику с сахаром и в живом виде есть её всю зиму, только хранить её надо в холодильнике.

В доме бабушки Поли газ был установлен значительно раньше, но варенье там варила лишь моя мама, сами они за земляникой не ходили, как и мой папа, который любил собирать только грибы.

Погреб

Погреб строили летом 1960 года. В это время приезжал в деревню дядя Тарас. Он-то и строил погреб с помощью каких-то родственников. А возле погреба, ближе к дороге, стояли две берёзы. Между ними дядя Тарас сделал качели. Я обожала на них раскачиваться и громко петь. Не думаю, что это нравилось всем, но мне нравилось очень. Песен я знала много, раскачивалась и пела. Полагаю, разносилось далеко, потому что пела я громко. Когда появилась Тамара Миансарова со своим исполнением песни «Пусть всегда будет солнце», я подражала ей.

Появился погреб – и спать мы стали в нём. Вечером бабушка Оля провожала нас из дома по коридору с керосиновой лампой. Свет на улице в деревне нигде не горел, да его просто и не было, уличного освещения. До погреба пробирались на ощупь, потому что бабушка с лампой оставалась на крыльце дома. В погребе укладывались и засыпали. Правда, не всегда это удавалось сразу. По деревне гуляли пары, которые пели, громко смеялись, слышались разговоры. По дороге, что совсем рядом с погребом, проносились машины и мотоциклы. Но тем не менее сон брал своё.

Утром спали долго, никто без необходимости не будил. Если взрослые вставали раньше, они тихонечко уходили.

Просыпаюсь, сквозь щели просвечивает солнце, слышны голоса, крики петухов. Хорошо. На стене в качестве украшения или обоев – плакат «Солнце воздух и вода – наши верные друзья». Рифма такая. А посередине плаката крепкие мужчины, женщины, дети на фоне яркосинего моря и жёлтого солнца. Но мне кажется, что тёплое море – это так далеко, что даже нереально.

Грозы

Как запечатлелись в детской памяти яркие солнечные дни, так остались в ней и воспоминания о грозах. Не знаю, бывают ли грозы летом на Кольском полуострове (на лето я всегда уезжала в деревню), но в деревне грозы бывают, да ещё какие страшные!

Бабушка Оля грозы боялась откровенно, готовилась к её приближению, на всех сердилась. Тучу она видела загодя, услышав гром, закрывала трубу, окна, все двери, выключала из сети радио, позже телевизор, всех заставляла сидеть, а не слоняться по дому, сама садилась на свою кровать и при каждой вспышке молнии и ударе грома осеняла себя крестным знамением со словами: «Господи- Сухрести». (Может, она произносила Иисус Христос, но так слышалось в детстве моим ушам.) И почему-то этот бабушкин страх вызывал чувство какой-то несерьёзности, хоть я и сидела с бьющимся сердцем, но это был страх за компанию.

А у Комраковых грозы не боялись. Молнии сверкают, гром гремит – все заняты своим делом. И окна закроют, и в доме все соберутся, чтобы переждать грозу, но о страхе своём не говорят. И самую страшную грозу я помню всё-таки ночью у Комраковых. Гроза была жуткая. Гремело и сверкало без перерыва. Взрослые разбудили нас, детей, среди ночи, заставили одеться, и мы сидели ночью одетые в самом настоящем страхе: что, если вдруг молния попадёт в дом?... И слава богу, что та страшная гроза миновала без последствий.

Ещё помню дневную грозу. Перед самой грозой меня послали в магазин за хлебом. Магазин находился на другом конце деревни, и гроза застала меня там. В окружении незнакомых людей я переждала её спокойно, но, когда кончился дождь и можно было идти домой, я шла буквально по колено в воде – столько вылилось дождя за время грозы. С одной стороны неба уже вовсю светило солнце, с другой лилово синела уходящая туча. А мне навстречу шла тётя Рая – спасти ребёнка, отправленного за хлебом в грозу и ливень!

Герман Титов

Вспомнилось лето, когда в космос полетел Герман Титов. Это был август. Объявили по радио о полёте. И потом все говорили, что летает, летает... Гагарин лишь раз облетел вокруг Земли и вернулся. А тут стемнело, а Титов всё летает. У тётушки моей появились опасения, что его притянуло к какой-нибудь звезде.

Титов летает где-то, а в это время мы, освещённые керосиновой лампой, двигаемся из дома в погреб. Здесь земля, деревня, отсутствие электричества, а там ракета, космос, звёзды, которые могут «притянуть».

И подумаешь, может, тётушка и права? И понятна моя радость, когда на следующий день радио сообщило, что Герман Титов благополучно приземлился. Помню фамилии первых космонавтов, как стихи:

Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова.

А дальше их стало так много, что всех не упомнишь.

Деревенские свадьбы

Одна происходила совсем рядом, у соседей бабы Поли женился сын. Невесту звали Нина. Всё застолье было в доме, а плясать выходили на улицу перед домом. Плясали под гармонь с частушками. Запомнилась такая:

*И петь будем, и плясать будем,
А смерть придёт – помирать будем.*

Мне подумалось, какая мрачная частушка. Пела её тётка, приплясывая, притопывая и заканчивая частушку «и-и-и-их!» Следом за ней в круг выходила другая тётка и выкрикивала другую частушку, не все частушки были безобидными и приличными.

Невеста частушек не пела и не плясала. Выйдя из дома, она садилась на скамеечку и смотрела на танцующих. Время от времени она удалялась и появлялась в новом платье. Платьев было множество, все цветастые, крепдешиновые. Мама мне объяснила, что так положено. Количество платьев символизирует достаток.

Отшумела свадьба, прошло несколько лет. И вот уже две дочери и сын. Бывший жених – пьющий муж, каких в деревне большинство, бывшая невеста – толстая баба с грубым лицом и натруженными руками. Большой дом поделён на две части: большая – «молодым», меньшая – свекрови, с которой, кроме ругани, никаких отношений.

Помню ещё одну свадьбу. Эта была рядом с бабушкой Олей, через дом. Выходила замуж Маня Редечкина. За человека не из нашего села, симпатичного, со звучной фамилией Изранцев. Хорошая была свадьба, неплохая семья. Родились дети, а потом я узнала, что отец Изранцев вместе с одной из дочерей погиб в автомобильной катастрофе.

Деревенские судьбы

Вообще людские судьбы такие разные... Казалось бы, в такой глуши – какие страсти? А вот поди ж ты.

У Анны Васильевны, которую привезли в деревню из Грузии, в автомобильную катастрофу попал сын и погиб. Пережив такое горе, она родила двух дочерей с разницей в один год. А потом вдруг узнала, что муж её загулял. Начались скандалы и драки. Женщина она восточная, измены не стерпела, да и погладила мужу ценный орган утюгом. Муж стал пить и умер от сердечного приступа. Ей одной пришлось растить двух девочек. Вырастила их, так и не выйдя больше замуж, а теперь живёт одна. У дочерей в Москве свои семьи, лишь летом они отправляют своих детей к бабушке в деревню.

А вот семья. Недалеко от бабы Оли дом у переулка. Живут в нём Копин и Копинишка. Он статный, энергичный и непьющий мужчина, что редкость для деревни. Она – согбенная старуха с клюкой уже много лет. Детей нет.

– Были ли? – спрашиваю у мамы.

– Когда они собирались жениться, была Копинишка беременна, но работала на лесопилке, труд тяжёлый, ребёнка потеряла и больше родить не смогла. А была в молодости очень красивой, – говорит мама.

Так и живут вдвоём, разводят кроликов, уже оба старые.

В деревне все друг про друга всё знают. Ничего не скрывать. А что не знают, то додумают. Вот и решай – где правда, а где выдумка.

В детстве, помню, был ещё один деревенский ужас: бегал по деревне блаженный, как здесь говорят – «простой», а на самом деле душевно больной человек. Был это молодой парень, он действительно бегал, что-то кричал, не всегда был одет. Жил на Полтавке (деревня рядом). Его появление вызывало брезгливый страх и нездоровое любопытство. Теперь понятно появление такого человека: пили и пьют много, да и не только мужчины.

Сенокос

Летом деревенские жители ездили косить и убирать сено на луга за Оку. Уезжали на грузовой машине с громкими песнями. Отсутствовали несколько дней. Косили, если позволяла погода, сушили, гребли сено, потом снова с песнями возвращались. Ездил и мой дедушка Ваня. Возвращался оттуда с лукошком и букетиком луговой клубники. Какая она была вкусная и душистая! Особенно если жаркое лето. Ездил на луга и подруга моя Таня Шитова, возвращалась с рассказами о том, как там было здорово.

У Тани Шитовой был старший брат Толик и младшая сестра Валя. Толик был хорош лицом, но не высок ростом. Тем не менее мы с Ленкой были по очереди в него влюблены. В него и в Славку Орешкина. Тот был не очень хорош лицом, но высок. Жил Славка через дом от бабы Вари, родной сестры бабы Оли. И если мы ходили в кино, то иногда возвращались в толпе, где был и Славка. Мне иногда казалось, что я ему нравлюсь, но Ленка была убеждена, что он влюблён в неё.

Надо сказать, что все эти «любви» были исключительно на расстоянии и в нашем воображении. Если встречались с парнями, то в клубе или на речке. Мы с Ленкой, наверно, походили на двух сестёр Золушки, которые на балу записывали знаки внимания принца: один знак внимания, второй. Ленка моя ещё увлекалась попеременно и Женькой Зиминым, и ещё кем-то, а мне в деревне всё же нравился лишь Славка Орешкин.

Библиотека и медпункт

За домом Комраковых, ещё дальше, находилось довольно старое деревянное строение. Оно стояло отдельно от всех домов, так как находилось не на одной линии с ними, а дальше, вглубь. Здание делилось на две половины. Справа – библиотека. Девчонкой я бегала туда, читала затрёпаные книжки, став старше, удивлялась тому, что в библиотеке стоят совсем новые не востребованные книги Сэлинджера, Сомерсета Моэма, Хемингуэя.

А слева находился медпункт. Он поражал своей стерильной чистотой, особенно на фоне деревенского беспорядка. Царствовала в этом медпункте фельдшер тётя Катя. На все времена, на все болезни и на все возрастные категории деревенских жителей. Жила она на Полтавке, а работала здесь, в Сельцо-Сергиевке.

Когда бабушка Оля ходила к Кате на уколы, она надевала чистое выходное платье, чистый головной платок и шествовала в медпункт через всё село. Кто-то Катю ругал, кто-то хвалил, но, сколько себя помню, лечила всех в деревне Катя.

Дядя Яша

Бабушкин родственник дядя Яша Горбачёв, который жил в Инякино, заболел, ему удалили камень из почки. Бабушка Оля сидела на скамейке перед погребом и рассказывала какой-то соседке, что дяде Яше сделали операцию, удалили камень.

«Вот такой», – говорит бабушка и показывает фаланг указательного пальца. Тут вступаю я. «Не такой, а такой», – показываю свой фаланг пальца, который, конечно же, значительно меньше бабушкиного в силу моего возраста. Бабушка возмущается: своим высказыванием я как бы уличаю её во лжи! Соседка уходит, бабушка сердито удаляется в дом, она со мной больше не разговаривает. Я тоже огорчена. Стою в коридоре дома и плачу. Думаю, вот бабушка напечёт пирогов, а мне теперь не даст, потому что я её обидела...

У дяди Яши в Инякино я иногда бывала, но мне там не нравилось. Его жена (тётя Поля) и дети были какие-то неприветливые, и мне там было неуютно. А однажды меня в Инякино оставили ночевать, и в этот вечер случился там страшный пожар. Сгорели 4 дома. Сельские жители совсем бессильны перед огнём. Дома сгорели до основания. Это было очень страшно. И запах гари ещё долго преследовал меня. С тех пор я старалась больше не бывать у Горбачёвых в Инякино.

Поездка на «Волге»

В какое-то лето мы оставались в деревне без мамы, с отцом. Она раньше уехала в Полярный из-за работы. И папа решил обратиться к дяде Яше, чтобы нас отвезли до Москвы на машине. Не хотелось папе моему с детьми и вещами добираться до Москвы на перекладных. Дядя Яша не отказал. И вот подъехала за нами серая «Волга», на носу олень. Мы погрузились и поехали. Мне очень понравилось.

В Москву приехали уже в темноте. Возле ленинградского вокзала стояла цыганка и продавала розы. Мне так захотелось их купить! Папа мне дал три рубля, и я купила одну розовую розу. Как она пахла! Но её лепестки очень быстро опали. А стоила она три рубля: стало быть, это происходило до денежной реформы 1961 года.

Железная дорога

Ещё одно воспоминание, связанное с Ленинградским вокзалом. Обычно уезжали мы на север на поезде № 16, Москва – Мурманск, «Арктика». Уходит он ночью, где-то около часа. И если мы приезжали из деревни в Москву в первой половине дня, то ждали своего поезда до ночи. Обычно сдавали вещи в камеру хранения, проверяли, всё ли в порядке с нашими билетами, и гуляли по близлежащим магазинам.

Однажды, выходя из зала ожидания, я увидела, как среди проходящих людей какой-то мужчина что-то поднял и побежал, крича, за другим человеком: «Товарищ! Это не вы уронили?!» Помню чувство гордости от слова «товарищ» и честности этого незнакомого человека, заметившего потерю. Всё это сформулировалось в моём сознании буквально так: «Какой мы замечательный народ!»

Поезд Москва – Мурманск. За окном темно, а в темноте – голые силуэты сгоревших деревьев... или факелы из них. Горела тундра. Сколько раз это происходило? Один или несколько? Мне казалось, что всякий раз, когда мы в августе возвращались домой, горела тундра. Это тягостное зрелище.

И ещё одно железнодорожное воспоминание детства: мама и папа заняты на работе, мы уезжаем из Полярного с тётёй Раей и дядей Тарасом. Причём вместе мы едем лишь до Ленинграда. Дальше мы сажаем тётю Раю в поезд, и она со слезами уезжает в Ессентуки лечиться, а мы с дядей Тарасом едем на его родину, на Украину, в местечко Судовая Вишня, что недалеко от Львова.

Судовая Вишня

От Судовой Вишни остались отрывочные воспоминания: очень обильный разноцветный рынок, очень вкусные вареники, которыми нас кормили родственники Тараса, очень красивая племянница с мужским именем Ярослава в белой воздушной кофточке, щенок, очень маленький и толстенький, чёрного цвета, который цапнул меня за палец.

Из Ессентуков приехала в Судовую Вишню и тётя Рая. А моих родителей мы с дядей Тарасом ездили встречать во Львов. Автобус был полный, дядя Тарас всё хотел с ребёнком, со мной, перейти вперёд, думая, что сзади двигатель и плохой воздух, но, перебравшись, поняли, что двигатель у автобуса впереди, да так уж и доехали. Встретили моих родителей и долго гуляли по городу в ожидании автобуса до Судовой Вишни.

Львов – город фонтанов и цветов! Даже часы со стрелками – все в маленьких цветочках. И люди друг к другу обращались «пан» и «пани». Это было так странно слышать в 1962 году.

А вот чёткое воспоминание: мама, Раиса и я гуляли в окрестностях Судовой Вишни. Места там очень красивые. Набрели на маленькую церковь или часовню, рядом безымянные могилы. Женщины нарвали цветов, положили на холмики. А на следующий день мама говорит Раисе: «Приснился мне парень из нашей деревни, что пропал без вести на войне, может, он и похоронен там, где вчера цветы положили?»

Проблемы взрослых

У моей мамы был большой отпуск – 40 дней. Но ей всегда казалось, что проходит он быстро. Нет-нет да и скажет: «Отпуск мой разматывается...» Она всегда с радостью ехала в деревню. Ей всё здесь нравилось. Всё было родное и близкое. В Полярный же возвращалась с неохотой. На обратном пути вспоминали с тётёй Раей всякие страшные случаи в Полярном. Мне такие разговоры очень не нравились. Я была уверена, что в Полярном всё прекрасно. Но, к сожалению, настало время, когда мне тоже пришлось убедиться, что «не всё спокойно в датском королевстве».

Это случилось, когда мы жили на Североморской улице, занимали 2 комнаты в коммунальной квартире. Я училась во вторую смену, поэтому рано не вставала. Но на этот раз я проснулась от грохота. Было темно, хотя это не означало, что было рано, так как наступила полярная ночь и светало поздно. Грохот раздавался откуда-то с улицы, и, когда я подошла к окну, за окном сверкнуло что-то яркое. Мысль о грозе успела промелькнуть в моей голове, но тут же стало ясно, что для грозы не сезон. Я вышла из своей комнаты. Взрослых дома не было. В комнате родителей спал мой младший брат, оставленный дома по случаю карантина – у соседских детей было что-то заразное. Вскоре пришла мама. Оказалось, все мамы разбежались с работы, чтобы проверить своих детей.

А случилось вот что: в подплаве на подводной дизельной лодке произошёл взрыв. То яркое, что я видела в окне, был осколок, каких много пролетело по городу. В домах, что рядом с подплавом, повывивало окна. Убитых и раненых военнослужащих было очень много. Трагедия произошла страшная.

По молодости лет я совсем не интересовалась, писала ли что-нибудь об этом советская пресса, но из разговоров взрослых запомнилось, что о случившемся говорили вражеские радиостанции, даже называли фамилии командиров потерпевших подлодок, что поразило моё воображение.

Спустя несколько лет внутри двора Циркульного магазина появился памятник погибшим подводникам. Но громко об этой трагедии говорить было не принято. Зато позже много говорили о подводной лодке, ушедшей в автономное плавание и не вернувшейся. В это же самое время на экраны вышел фильм «ЧП – чрезвычайное происшествие» о советском корабле, захваченном в плен нашими врагами. Мама всё проводила аналогии с пропавшей подлодкой.

Помню пожар, вспыхнувший в подплаве, когда загорелся причал. Это было уже много лет спустя после взрыва. Но теперь при появлении на причале пламени, все лодки «выскочили» в залив, а кое-кто из командиров скомандовал срочное погружение. В этот раз жертв не было. Пожар был быстро потушен, но думаю, что он был бы страшен, если бы подлодки не разбежались по заливу. Этот пожар я видела сама. А сколько подобного было, но я не знала об этом в силу возраста и осторожности взрослых? Вот по этим причинам мама и не любила возвращаться в Полярный.

Зато я, когда отпуск родителей подходил к концу и надо было возвращаться, ликовала! К тому времени я уже начинала тяготиться деревенской жизнью, вспоминала своих полярников-подруг, и меня сильно тянуло домой.

Вернувшись, я первым делом принималась за почту. Журнал «Пионер», газета «Пионерская правда» – всё это всегда выписывалось, за лето скапливалось и казалось ужасно интересным.

В оставшиеся от каникул дни у меня была возможность всё, не торопясь, с удовольствием прочесть, навестить вернувшихся подруг и с нетерпением ждать 1-е сентября.

Первая учительница

Когда я пошла в первый класс, у меня появился брат. Он родился 25 августа, мама с ним была в больнице, поэтому в школу 1-го сентября меня провожала какая-то мамина знакомая. Когда из больницы появилась моя мама с братом Серёжей (папа и теперь не забыл про семейные инициалы), у неё было много дел, она уставала, неважно себя чувствовала, в общем, ей было не до меня. И все палочки и закорючки я начала осваивать самостоятельно. Особенно я любила прописи. Мне очень нравилось выписывать буквы, связывая их замысловатыми крючками, чтобы при этом они были написаны, не отрывая руки от листа тетради.

Имя первой моей учительницы – Евгения Фёдоровна. Она была строгая и справедливая, пока однажды мне не пришлось засомневаться в последнем. Со мной за одной партой сидела девочка Лида Кузякина. Она любила поговорить. И однажды, когда посторонний шум начал мешать Евгении Фёдоровне, та сказала: «Если кто-то будет болтать, завяжу рот платком». Установилась тишина, но ненадолго. Лида Кузякина снова что-то стала мне говорить, я молча достала из кармана платок, повернулась к Лиде и начала завязывать ей рот платком. Та, естественно, сопротивлялась, и тут я услышала: «Комракова! Что ты делаешь? Как тебе не стыдно?»

Я молча смотрела на возмущённую Евгению Фёдоровну. Как же так? Она только что пообещала завязать рот тому, кто будет ей мешать, Лида мешала, я решила помочь и совсем не понимала, за что меня ругают. Тогда я страшно обиделась на учительницу.

Хореография

Учёба в начальной школе давалась мне легко, времени свободного у меня было много, и я стала посещать различные кружки.

Во-первых, я очень любила танцевать и стала заниматься в хореографической студии, которая была в Доме пионеров в Старом Полярном. От нового Полярного к старому вёл мост. Его называли – Чёртов мост. Весь наш город расположен на сопках, и этот Чёртов мост то спускается вниз, то нависает над небольшой речкой, что течёт внизу, то карабкается вверх на сопку. Как минуешь этот мост, а он деревянный, неширокий, старенький, так ты и в Старом Полярном. Недалеко налево белое одноэтажное здание Дома пионеров. Мне нравилось заниматься хореографией, нравились упражнения у станка, народные танцы. Я с удовольствием принимала в них участие.

Как-то пришла к маме соседка и сказала про меня непонятную фразу: «Занимается балетом? Вырастет – и мы услышим: „Сенсация! Сенсация! Вторая Уланова!“» В этой фразе было сразу два непонятных слова: сенсация и Уланова. Позже я узнала их смысл, но соседкино пророчество не сбылось.

Уроки музыки

Ещё мне очень хотелось заниматься музыкой. В Доме офицеров открывалась музыкальная студия. Детей пригласили на прослушивание. Мы ходили под музыку по кругу, выполняли какие-то команды, в итоге меня не приняли. Я безутешно рыдала. Та же соседка сказала моей маме, с кем ей надо поговорить, мама поговорила, и теперь меня взяли без всякого прослушивания...

Своих самых первых учителей музыки я совсем не помню, в памяти остались те, что занимались со мной уже старшей школьницей. Одну из них звали Изабелла Константиновна. Это была миниатюрная темноволосая красивая женщина, обожавшая музыку и терпевшая нас. Она вела специальность – фортепиано и сольфеджио. Когда я разучивала «Песню без слов» Мендельсона, Изабелла Константиновна нарисовала в моей тетрадке целую картину: каналы Венеции, лодку, гондольеров, луну и даже лунную дорожку. Рассказывала и объясняла она вдохновенно, но мои результаты были весьма посредственными.

На уроках сольфеджио, когда нас собиралось несколько учениц, помимо объяснения интервалов, аккордов и ладов, Изабелла Константиновна рассказывала нам о днях своей молодости, проведённых в Ялте, где она была студенткой. Мы сидели в одной из уютных комнат Дома офицеров, за круглым столом, делали нужные записи, слушали Изабеллу Константиновну, которая сидела за этим же столом, набросив на плечи меховую шубку. Скоро она с этой шубкой перестала расставаться, начала полнеть и вдруг пропала. Нет уроков музыки у меня, нет у другой знакомой девочки, нет занятий по сольфеджио. Зато совершенно необыкновенная для девчонок новость: Изабелла Константиновна уехала в Мурманск, где родила мальчика. Город наш маленький, все знали, что учительница наша не замужем, – и вдруг ребёнок. И интересно, и непонятно.

Спустя какое-то время Изабелла Константиновна появилась в Полярном. И мы, её ученицы, пришли к ней домой. Она жила в маленькой двухкомнатной квартире. Первая комната – проходная, за ней – другая, поменьше. «Хрущёвская» квартира. Малыша мы не видели, он спал в другой комнате. Изабелла Константиновна нас встретила радушно, усадила, а сама села к пианино и заиграла. Мы удивились – ведь ребёнок спит. «Пусть привыкает к музыке!» – ответила Изабелла Константиновна. А уроков музыки у нас она больше не вела.

Имя следующей учительницы музыки Зоя Михайловна. Обликом она была совершенная простушка. Задала мне десятый вальс Шопена. Я начала разучивать, но нельзя сказать, что дело шло хорошо. Учительница решила мне показать, как надо, села за пианино и со словами «представь, как под этот вальс танцуют пары на танцплощадке» принялась играть Шопена. Уже тогда у меня были сомнения насчёт танцев под Шопена, но я промолчала.

Как-то во время урока учительница поинтересовалась у меня, что такое торшер, и я с плохо скрытым изумлением объяснила, что это такое. А затем в наш город приехал на гастроли оркестр под управлением Эдди Рознера. Я с упоением рассказывала об этом событии своей учительнице музыки, предвкушая радость от предстоящего концерта, как вдруг она спросила меня: «А что она поёт, эта Эдди Рознер?» Но, к счастью, подошёл конец учебного года, я сдала экзамены по фортепиано, и на этом моё музыкальное образование закончилось.

Вокал и прочее

Я, правда, ещё пела! И пела соло. Аккомпанировал мне на баяне какой-то дядечка. Я пела пионерские и патриотические песни, выходя на сцену в школьной форме с белым фартуком и белыми бантами.

Получается, что я всегда принимала участие в школьных концертах, были ли они в школе или в Доме офицеров. Я либо пела, либо играла на фортепиано, либо танцевала зажигательный молдавский танец, либо читала стихи! Считалось, что стихи я читаю хорошо.

Ещё я занималась в фотокружке. И мама купила мне фотоаппарат «Зоркий-4» за 55 рублей, который через месяц подешевел и стал стоить 45 рублей, что маме было обидно.

Ещё я рисовала в художественном кружке овалы и пирамиды, отбрасывающие тени. Это было ужасно скучно. Те, кто освоили тени, срисовывали с цветных открыток. Всё это не воодушевило меня, кружок я забросила, рисовать умею лишь слона, вид сзади.

Политинформация

Моя первая учительница Евгения Фёдоровна учила меня 4 года. С 1-го по 4-й классы. Где-то с 3-го класса у нас были еженедельные политинформации. Мы должны были делать сообщения по очереди. И, когда подошла моя очередь, я об этом вспомнила буквально в последнюю минуту.

Начала дома хватать газеты «Пионерская правда». Все статьи казались мне скучными, неинтересными, лишёнными оттенка чего-то необычного. Тут мне на глаза попала газета с жуткой статьёй о том, что в какой-то капиталистической стране так всё плохо, что крысы съели или чуть не съели маленького мальчика. Я смутно помнила, что об этом кто-то уже рассказывал, но времени найти что-то более сильное по впечатлению не было, а вся остальная информация была серой и скучной. И вот я на политинформации выкладываю эту устаревшую статью, но, как ни странно, и класс и учительница всё это проглатывают, а мне вместо облегчения становится за себя стыдно.

Гагарин

Так устроена человеческая память, что необычные события остаются в ней надолго, порой навсегда. И, наверное, любой человек смутно помнит события и дела прошлого четверга и прекрасно помнит, что он делал 12 апреля 1961 года.

В Полярном утро этого дня было хмурым, серым, солнца не было и в помине. В таком же сером настроении я шла с бидончиком за молоком. Стоя в очереди, погружённая в свои тоже почему-то серые мысли, стала немного прислушиваться к разговорам окружающих и удивляться тому, какую глупость они несут: человек полетел в космос! Вот сказки-то! Не поверив ни одному слову тётенок в очереди, вернулась с молоком домой и лишь пришедшая на обед мама убедила меня, что действительно Юрий Гагарин полетел на ракете в космос! Она слышала об этом по радио!

Кажется, даже погода сразу улучшилась, во всяком случае моё мрачное настроение исчезло без следа, а радость и ликование в школе среди ребят второй смены было настолько безудержным, что учителя сочли за благо отпустить нас с уроков.

Приём в пионеры

Ещё одна яркая и светлая дата в моей биографии. 22 апреля 1961 года меня принимали в пионеры.

Мамой заранее была куплена пионерская форма, красный пионерский галстук. Всё это выглаженное лежало на стуле и ждало утра 22 апреля. А утро всё никак не наступало. Моё желание стать пионеркой было настолько сильно, что, казалось, не хватит никакого терпения дожидаться утра, потому как глаза не закрывались, спать не хотелось, но светлая весенняя ночь всё тянулась...

Казалось, я только задремала, как в комнату вошла мама, чтобы меня разбудить. И вот я в белой красивой рубашке, серой юбке, мама аккуратно заплела мои жиденькие косички – и пора отправляться в школу, а оттуда дружно в Дом офицеров, где и происходила торжественная церемония приёма в пионеры.

«Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих старших товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и работать, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия».

Кто из моих ровесников не помнит этой клятвы? А на задней обложке тонких тетрадок в линейку эта пионерская клятва была напечатана.

Первый телевизор

День, когда мы купили телевизор, помню хорошо. Выбрали в магазине не самый дорогой. Самый дорогой был «Рубин», и все покупали его, но папа решил сэкономить, выбрал другой, с плохо запоминающимся названием. Принесли покупку домой, и кто-то помогал устанавливать и налаживать новый телевизор, а я сидела в комнате соседей Сбитневых и смотрела фильм «Безмолвная звезда».

Это была фантастика. О том, что население Венеры изобрело какое-то страшное смертельное оружие и решило сбросить это оружие на нашу Землю, чтобы истребить землян. Но кто-то всё-таки решил предупредить население нашей планеты и послал сообщение на Землю. Это сообщение с грохотом, ураганом и пожаром пронеслось над тайгой и получило название Тунгусский метеорит. Но наши умные учёные поняли, что это послание с Венеры. И вот уже на Венеру летит корабль с нашими космонавтами. А вдогонку им летит расшифрованное сообщение венерян. Всё это смотрелось даже по чёрно-белому телевизору с интересом. Но, когда земляне прилетели на Венеру, они увидели картину страшного разрушения и поняли, что жители Венеры не успели применить своё оружие против землян. Оно истребило их самих. И вот эти картины мёртвой планеты, разрушенных городов, человеческие тени, оставшиеся на уцелевших стенах зданий, как в Хиросиме, произвели на меня страшное и тяжёлое впечатление.

Я плохо спала в эту ночь. А у меня уже была своя комната всё в той же коммунальной квартире. Я даже пошла к маме ночью за утешением. Так запомнился мне день, когда мы купили телевизор.

Драматический талант

Были у меня и актёрские способности. Первое их проявление было довольно своеобразным.

На общей кухне нашей коммунальной квартиры стояли столы соседей и наш. Наш был около окна. Помню такой эпизод. Я уже была школьница, уже у нас был телевизор. И по этому телевизору показали фильм «Евгений Онегин». Мне было страшно обидно за Татьяну. Она – такая умная и красивая, а Онегин – такой глупый и холодный. И вот сижу я одна на кухне, обедаю. Передо мной суп, который я терпеть не могу. У меня в детстве вообще был неважный аппетит. Сажу, мучаюсь и вспоминаю вчерашний фильм. Вот я – Татьяна... Подходит ко мне Онегин, я сердита на него и грожу воображаемому Онегину кулаком, в котором зажата вилка. (А! это уже был не суп, а второе.) Тут из своей кладовочки появляется соседская бабушка и бежит жаловаться моей маме, что я вместо того, чтобы есть, ковыряю вилкой кухонный стол.

Подруги

Я уже училась в классе шестом. Как-то за мной пришли мои подружки звать меня в кино на вечерний сеанс фильма «Легенда о любви». А мама не пускает. Подружки пытаются уговорить мою маму. А у неё неважное настроение, она занята какими-то домашними делами и мне в сердцах говорит: «Можешь идти, но я тебя не отпускаю». И я остаюсь дома. Вот так. Ни ругани, ни криков, ни нравоучений. Мама строгая? Или я такая послушная?

По-настоящему близких подруг у меня было две: Женя Эрдман и Ира Бунина. Женя – худенькая, тёмненькая, умная девочка. Очень чётко помню её лицо: смуглое, узкое с карими глазами. Ира Бунина – красивая, сероглазая и взрослая, хотя все мы были ровесницами.

Родители Иры Буниной вели, как мне казалось, очень бурный образ жизни по сравнению с моими. У них были частые гости, шумные компании с вином.

Квартира у них была маленькая, двухкомнатная, одна комната проходная, где спали Ира с младшей сестрой, другая комната – спальня родителей; была ещё тёмная комната без окна – кладовочка, где спала бабушка. Я любила бывать у Иры в доме. Её маму звали так же, как и мою, – Валентина.

Однажды я пришла к Ире, когда у них дома было много гостей. Все сидели за столом, вели шумные разговоры. Мы с Ирой уединились в родительской спальне и оттуда слушали, как Ирин папа рассказывал анекдот: «Пушкин на коне. Дама, желая сделать ему комплимент, говорит: „Пушкин, Вы на коне – как капитан на пароходе!“ Пушкин приподнимает своему коню хвост: „Прошу в каюту!“» Мы с Ириной упали от хохота, тем более что анекдот был не столько услышан, сколько подслушан. И запомнился на всю жизнь.

Ирин папа был подводником. Его гости, тоже подводники, были людьми интересными, смелыми, весёлыми.

А папу Жени довольно скоро перевели в Североморск, она, переехав, писала нам письма и звала в гости.

И вот как-то осенью, собравшись вдвоём с Ирой, мы решили навестить Женю в Североморске. Родители нас отпустили, и мы отправились с ночёвкой. Сели на вечерний рейсовый катер и через час уже были в Североморске, без труда нашли нужный адрес. Но дверь на наши звонки никто не открывал. Несколько обескураженные мы погуляли какое-то время по Североморску, а когда вернулись – дома были Женя и бабушка. Разговорам не было конца.

Утром проснулись, работает на кухне радио. Из него доносится: «Жил да был чёрный кот за углом. И кота ненавидел весь дом!» Песню знали наизусть, вот когда она появилась, это был 1964 год.

После отъезда Жени у меня в подругах осталась только Ира. Женя ещё какое-то время писала нам письма, но потом наша переписка заглохла. Переводы наших военных родителей на другое место службы разлучали нас, но на место уехавших приезжали новые ребята, поэтому состав учеников нашей школы никогда не был постоянным.

Ира была симпатичной девочкой с большими серыми глазами, русыми волосами, с приятным лицом. Умная и интересная. Рано оформившаяся, в 13 лет девушка уже, а не девочка. У неё была подруга Надя Истомина, чуть старше нас. И когда Надиного папу перевели в Североморск, то её иногда отпускали в Полярный навестить подруг.

И вот как-то идём по городу – Ира, Надя и я. Сзади свист. Идём дальше, снова свист. Ира мне: «Посмотри, кто там!» Я послушно оглядываюсь, вижу каких-то незнакомых парней. И только тут чувствую разницу: они, гордые и неприступные, идут, не оглядываясь, а я могу и посмотреть, кто это свистит! Не им ли? Я почувствовала себя униженной, наверно, поэтому и запомнился этот мелкий случай. И появился стойкий иммунитет – никогда не оборачиваться на свист.

Вскоре Надя совсем перестала приезжать, а с Ирой мы дружили.

13 лет

Весной 1964 года мне исполнилось 13 лет. На мой день рождения у меня собралось 7 человек: Ира, Женя, Серёжа Антипин (по прозвищу Типа) – светлый полный мальчик, приятный и добрый. Валера Смирнов, в которого я была влюблена с пятого класса. Он был отличник, блондин, не красавец, но мне нравился. Именно в это время мальчишки в школе стали носить новую серую школьную форму. Когда Валера пришёл в этой форме, он был просто неотразим, и я с трудом сдержалась, чтобы не признаться ему в любви.

В конце апреля на севере уже начинается белый полярный день, темнеет очень поздно, и день рождения можно праздновать долго. Но вот погода радует не всегда. Порой в это время года бывает достаточно тепло, порой может ещё идти снег. А из-под снега на сопках кое-где торчит перезимовавшая брусника. Какая она вкусная! Даже сладкая после морозов. Мы с девочками с удовольствием лакомились этой брусникой и с не меньшим удовольствием лазали по освободившимся из-под снега скалам. Последнее было довольно рискованным занятием, но мы покоряли не слишком отвесные и не слишком высокие скалы. Правда, Ира как-то сорвалась и здорово меня перепугала, но всё обошлось.

Итак, мне исполнилось 13 лет, и я перешла в седьмой класс. Подошёл к концу ещё один учебный год, который я закончила без единой четвёрки, за что получила похвальную грамоту. Надо сказать, что учёба давалась мне легко, училась я с удовольствием и привыкла к хорошим оценкам. Брат мой, который поступил в первый класс, когда я училась уже в восьмом, рвением к учёбе не отличался, учился посредственно и страшно страдал от бесконечных учительских упрёков: «Вот твоя сестра!..»

Как-то Сергей упрекнул и меня: «И зачем ты так хорошо училась?»

Но я так училась, и учёба доставляла мне удовольствие. А когда наступали каникулы, я с не меньшим удовольствием предавалась праздности.

И после окончания учебного года, 30 мая, наш класс устроил чаепитие. Это было вкусное и приятное мероприятие. Мы пили чай с разными сладостями, танцевали и даже играли в КВН, который в то время был очень популярен: мы не отрывались от чёрно-белых экранов своих телевизоров, когда Александр Масляков и Светлана Жильцова начинали телевизионный КВН.

Правда, тогда ещё была и марка телевизора КВН и актуальна такая шутка:

– Как расшифровывается название телевизора КВН?

– Купил, Включил – Не работает!

Но после окончания учебного года нас не сразу отпускали на каникулы, мы должны были проходить так называемую «практику». Чтобы это не было простой формальностью, наши учителя пытались превратить «практику» в общественно-полезное дело. И в этом году нам надо было покрасить свой класс.

С краской нам помог дядя Тарас, который работал в строительной организации. Красить стены, да ещё всем вместе, – это не работа, а просто удовольствие. Класс мы выкрасили так быстро, что даже было жаль, что наша практика уже закончилась.

На лето из Полярного обычно все разъезжались. Женя – в Зеленодольск, под Ленинград, у родителей там была дача. Ира с родителями – на юг, в Сочи. А я с мамой и роднёй – в деревню. Перед отъездом менялись адресами и переписывались всё лето. Первой уехала Женя, потом Ира, и я осталась одна ждать маминого отпуска, который начинался с 20 июня.

Отъезд

Мы с мамой заранее купили билеты на поезд в купейный вагон, причём мы обычно всем семейством занимали целое купе. Железнодорожная касса находилась в Полярном на первом этаже жилого дома. Мои родители всегда ездили только поездом, а Ира со своим семейством летала на юг на самолёте.

И вот 20 июня мы поднялись в половине восьмого, на машине добрались до порта, затем на рейсовом катере до Североморска, затем на автобусе (за неимением такси) – до Мурманска. Дорога долгая, поэтому в Мурманске, сдав вещи в камеру хранения, отправились обедать в вокзальный ресторан и уже ближе к вечеру погрузились в поезд. Ехать нам до Москвы две ночи и один день. Сели мы в поезд вечером, проводник выдал постели, и мы улеглись спать.

Я проснулась рано, все ещё спали, а я лежала и мечтала о том, как было бы здорово, если бы на одной из стен купе была схема нашего маршрута и по этой схеме перемещалась бы точка – наш поезд, тогда в любой момент было бы видно, где мы находимся и как далеко нам ещё ехать.

Первая ночь в поезде обычно ещё холодная, но с каждым следующим часом становится теплее, что явно свидетельствует о нашем передвижении на юг. За окном мелькают зелёные леса, цветы пестреют среди травы, очень приятно смотреть в окно. День проходит быстро, затем ещё одна ночь – и ранним утром поезд прибывает в Москву на Ленинградский вокзал.

Как обычно, переезжаем на Казанский вокзал, сдаём вещи в камеру хранения и, взяв такси, едем к тётке Марфуше, что живёт на проспекте Вернадского. За окнами такси – красавица Москва. Как она мне нравится, мне нравятся широкие проспекты, море одуванчиков на газонах, даже московский воздух – и тот нравится мне!

Тётя Марфуша нас кормит, мы отдыхаем, а мама с тётушкой, оставив нас, детей, уезжают по магазинам. Они, как обычно, делают все необходимые покупки, ночуем в Москве. А с утра достаётся и нам, детям: нас везут в «Детский Мир», где тьма народу, толчея, духота, но надо купить школьную форму, обувь и многое другое. Ещё один день в Москве тратится на компостирование билетов, на покупку баранок, булок, сушек, сахару в деревню.

После такого времяпровождения мне совсем уже не хочется быть в Москве, и я с нетерпением жду отъезда в деревню.

От Москвы до Сельцо-Сергиевки гораздо ближе, чем от Москвы до Мурманска, поэтому мы едем на поезде несколько часов, приезжаем в Шилово, а потом на автобусе – в деревню.

Троица

Этим летом мы с мамой и братом Серёгой поселяемся у бабушки Поли. В ближайшее воскресенье праздник Троицы. По этому поводу мы одеваемся нарядно и идём к бабушке Оле. На мне жёлтое платье, новые, купленные в Москве туфли. Но со взрослыми ужасно скучно, и мы с моей двоюродной сестрой Ленкой решаем сходить на речку. Мама нас отпускает, но просит меня надеть старые туфли.

Прекрасный летний солнечный день, только загорать и купаться, что мы и делаем. Выйдя из воды, я обнаружила, что мои старенькие туфли неплохо бы и помыть, а помыв – поставила их сушиться на солнышке. Лежим с Ленкой загораем, болтаем. Вдруг послышался топот, мычание, смотрим – колхозное стадо коров приближается к нам. Ленка говорит:

– В этом стаде жутко бодливый бык. Пошли на другой берег!

А на другой берег можно перейти по довольно узенькому брёвнышку, кем-то перекинутому с одного берега на другой. И идти по нему с вещами в руках – это уже просто акробатика! Поэтому мы сначала перебрасываем через речку свои вещи, чтобы самим пройти налегке. Ленка уже стоит на брёвнышке, готовая перейти на другой берег. А брёвнышко не очень толстое и не вызывает у меня большого желания идти по нему. И пока Ленка переходит, я оглядываюсь, а коров вроде бы нигде не видно, похоже, что повернули в другую сторону. Я говорю Ленке:

– Коров-то не видать, иди обратно.

Ленка бросает мне с того берега наши вещи, я их исправно ловлю, но когда доходит очередь до моих стареньких, но вымытых туфель, то первый башмачок до меня благополучно долетает, а второй зацепляется за ветку дерева и шлёпается в воду. Хоть и старенький, но надо спасать.

Взяв палку, мы с Ленкой пробираемся в воде к тому месту, куда упала туфелька. Там оказывается довольно глубоко, мы движемся медленно, как вдруг совсем рядом раздаётся мычание. Это стадо всё-таки дошло до нас! Бросив туфлю на произвол судьбы, с достаточной резвостью мы перемещаемся на другой берег. Коровы идут, не торопясь, жуют травку, мычат, мы терпеливо ждём, когда они уйдут, а утонувшая туфля всё ещё брошена на произвол судьбы.

Наконец медлительное стадо уходит, мы возвращаемся на свой родной берег и вновь берём палку, чтобы найти утонувшую туфлю. Идём в воде всё глубже и глубже, как вдруг непонятно откуда раздаётся шум, который всё усиливается, и мы видим, что деревья закачались, согнулись в три погибели, вещи наши разлетелись в разные стороны, укатился мяч. Вновь мы выскакиваем из воды, хватаем свои вещи, те, что ещё не разлетелись далеко, и падаем на землю, чтобы переждать неожиданно налетевший вихрь.

Шум стихает, вихрь оставляет за собой кучи опавших листьев. Мы снова предпринимаем попытку спасти «утопшую» туфельку. Ленка нечаянно поддевает её ногой, она всплывает, но схватить я не успеваю, и она вновь уходит на дно. Очень живой оказалась наша утопленница, но тем не менее мы смогли схватить её, выволокли из воды и поставили на берег сушиться.

Довольно долго пробыли мы с Ленкой на речке, но, вернувшись в деревню, ещё успели принять участие в забавном деле, которое называется «катание яиц». Я уже сказала, что был праздник. Народ собрался вместе, бабы нарядные, в белых платках, тут же подвыпившие мужики, весёлые молодые женщины, дети. На зелёной травке кучками и по одному лежат крашенные яйца. И надо другим яйцом, прокатив его по траве, попасть в одно или несколько, лежащих в отдалении: этакий русский кегельбан! Всё это происходит очень весело, с прибаутками. У нас с Ленкой было два крашенных яйца, которые мы благополучно «прокатали», то есть проиграли.

Находка

Как-то пришли мы с Ленкой на речку и застали там мою маму с тётушкой, они как раз заканчивали стирку. Приезжая в деревню, мама и тётя Рая обычно помогали бабушке, устраивали ей генеральную уборку и генеральную стирку. Стирали занавески, даже тканые дорожки. Обычно всё это тщательно намыливали на речке, отбивали вальком (такой специальной деревяшкой), отбеливали на солнышке, полоскали. А иногда в хорошую погоду и высушивали всё здесь же, на речке, развесив вещи на ветках деревьев или расстелив их на чистой зелёной травке. Домой несли бельё, которое уже можно было гладить.

Вот и сейчас они собрали уже высохшее бельё и ушли к бабушке Оле. А мы с Ленкой остались купаться и валяться на солнышке. А когда мы уже собрались уходить, вдруг на солнышке на самом берегу что-то блеснуло. Я подошла ближе и увидела в травке два маминых кольца, обручальное и с камушком, которые она, наверно, сняла перед стиркой и забыла. Мы с Ленкой, радостные и возбуждённые, побежали домой с нашей находкой. Мы так быстро примчались, что мама ещё не хватилась своей пропажи.

На лето из школы нас отпускали с пионерскими путёвками, где было сказано, что и как мы должны делать в каникулы. В том числе мы должны были сделать подарок для школы. И вот в 13 лет я решила для любимой школы наморить букашек! Собирала их летом по деревне, сушила в спичечных коробочках, потом складывала в коробку побольше, а один жук попался такой огромный, что не помещался в спичечном коробке!

Но любое лето, жаркое или прохладное, весёлое или скучное, подходит к концу, заканчивается отпуск у моих родителей, пора возвращаться в Полярный, пора вспомнить о школьных делах.

Седьмой «в»

Когда я пришла в школу в первый класс, он назывался 1-й «г», так много было детей. И так с буквой «г» я училась до 5-го класса. Шестой почему-то стал «б», а седьмой – «в».

Родители учеников переводились в Полярный и из Полярного, количество детей в школе то уменьшалось, то увеличивалось. Из бывшего пятого «г» осталось к седьмому классу только 8 человек, но весь класс подобрался хороший, появились в нём и совсем новенькие ученики, в том числе и Тушканов Олег. То ли потому, что новенький, то ли по каким-то другим причинам, но многие девчонки нашего класса тут же влюбились в Олега. И я поначалу тоже.

Сменился у нас и классный руководитель, им стала учительница биологии Нелли Гавриловна Кирикова. И нашим классным кабинетом стал кабинет биологии. Мы его убрали, выкрасили в нём столы и стены в разные цвета, что было непривычно для школы и веселило глаз.

Нелли Гавриловна несколько отличалась от предыдущих наших классных руководителей, пыталась вести себя с нами как со взрослыми, приглашала к себе в гости, показывала фотографии свои и своего мужа, который у неё был, кажется, подводником. Когда Нелли Гавриловна болела, мы навещали её дома.

В то время вышел на экраны фильм Сергея Бондарчука «Война и мир», где княжну Марию играла очень интересная, но не известная нам актриса Шуранова. Каково же было наше удивление и даже восхищение, когда Нелли Гавриловна сказала нам, что это её двоюродная сестра.

За вторую четверть я как-то неожиданно для себя подружилась с Алькой (так мы теперь звали Олега Тушканова) и с Герой, которого на самом деле звали Юрой Герчиковым. Почему неожиданно, да потому, что дружить с Тушкановым было довольно трудно из-за его непредсказуемости и грубости. Сказать гадость или осмеять какую-нибудь девчонку ему ничего не стоило. Юра Герчиков был человеком другого характера, хотя уже было видно, как неблагоприятно влияет на него Тушканов. Поэтому и назвать эти отношения настоящей дружбой на самом-то деле было нельзя.

Но тем не менее мы порой гуляли после школы, порой перезванивались, и иногда ребята бывали у меня или у Иры дома.

Наступил 1965 год, новогодние каникулы я провела дома, тихо и спокойно, ни Алька, ни Гера ко мне за каникулы ни разу не заглянули. Только Сергей Антипин навещал меня. Этот спокойный кругленький мальчик был очень приятным собеседником и верным другом, ведь с ним мы вместе учились с первого класса, он из тех немногих ребят, родители которых все ещё служат в Полярном.

Я гуляла, читала, «проглотила» кучу книг, но большее впечатление осталось от книги Фраермана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви». Есть ли она, такая любовь? Придёт ли она ко мне? И когда?

Третья четверть

После каникул, когда я по причине полярной ночи дрыхла до 12 часов, встать в 7 утра было трудно, но возможно. И первый учебный день новой, третьей четверти прошёл нормально, если не считать того, что, кроме трёх человек, никто не выучил стихотворения, заданного на каникулы по литературе, и все забыли формулы химических элементов.

На уроке русского мы писали под диктовку учительницы предложение: «И инородец где-то пел на непонятном языке...» В классе тихо, все старательно выводят текст в тетрадях, и вдруг за окном кто-то громко завыл нечеловеческим голосом. Это пришлось очень кстати, и весь класс разразился дружным хохотом.

Наступила самая большая, третья четверть. Но в школе мы не только учились, а непременно занимались и общественно-полезной работой. А уж в преддверии вступления в комсомол, что было не за горами, так как в этом году нам всем исполнялось по 14 лет, наша активность заметно повысилась.

Наш 7 «в» носил имя Дзержинского, и мы как патрулидзержиновцы должны были фотографировать различные беспорядки в классах нашей школы и вывешивать фотографии на специальный стенд для всеобщего обозрения. Наши ребята сами и фотографируют, и проявляют плёнку, и печатают фотографии. Я этим не занимаюсь, несмотря на своё участие в фотокружке. А вот Вовка Кудрин делает фотографии с удовольствием, и у него это получается очень неплохо. Причём он снимает не только то, что можно вывесить на стенд «Наши недостатки», но и сцены обычной школьной жизни, например, нашего предновогоднего чаепития, которое было 29 декабря.

Мы тогда с девчонками все принарядились, принесли из дома всякой вкуснятины, надеялись на танцы и весёлый вечер, а получилось – как обычно. Сами себя и развлекали. Сами пели и сами друг с другом танцевали.

И как-то на уроке географии Вовка Кудрин дал нам с Ирой посмотреть фотографии того чаепития. На одной из них был Тушканов, и такой он получился там симпатичный, а главное – молчаливый, уж тут он не скажет гадости, что я не удержалась и оставила эту фотографию себе, так же, как и свою, где мы с девчонками поём какую-то песню.

Ну вот, фотография Альки у меня теперь есть, можно смотреть и любоваться, в то время как сам настоящий живой Алька почему-то настроен против меня и Иры. Что бы мы с ней ни сделали или ни сказали, всё с его стороны подвергается критике, оговоркам, является поводом для противных смешков, на лице появляется неприятная ухмылка. Непонятно! Ну не дружит он теперь с нами, ну интересуют его теперь другие девчонки – пожалуйста! Но перестать с нами даже здороваться! Это уже слишком. А после каникул, на которых мы его не видели, он ведёт себя с нами именно таким образом. Мы с Ирой попытались понять, в чём причина, но наши размышления ни к чему не привели. Во всяком случае мы не чувствуем за собой никакой вины.

Да и размышлять долго на эту тему у нас нет времени. Ведь впереди такое событие – вступление в комсомол! Именно ему и было посвящено собрание активистов нашего класса. Такие собрания проходили нередко, но тут был особый повод: мы разбирали поведение Родина и Норинского. А вина их заключалась в том, что они совсем не работали в отряде, объясняя это своей занятостью в различных секциях и кружках.

– Но в секциях и кружках – это же лично для себя, а в школе – это же для всех! – возмущались наши активисты и я в том числе.

Юрка Родин, высокий худой мальчик, живёт в другом подъезде моего дома. Мы с ним порой вместе идём из школы домой, узнаём друг у друга, что задано, и навещаем друг друга, когда кто-то из нас болен. Он спокойный и не хулиганистый. Но тут я его так ругала, искренне уверенная в своей правоте, что сначала общественные, а потом уже личные интересы, и оста-

лась недовольна, что Нелли Гавриловна «всего лишь» записала предупреждение в дневники – ему и Норинскому.

Кинотеатр «Север»

Надо сказать, что школа наша, полярная средняя школа № 1, стоит на горе. Это трёх-этажное здание, и, когда ученики перестали в нём умещаться, к школе сделали перпендикулярно пристройку, по размерам такую же, как и первоначальное здание школы. И, несмотря на то, что уже прошло много лет, эту часть школы так и называли – пристройка.

Когда выходишь на крыльцо школы, перед тобой лежит значительная часть нашего города. Дорога уходит вниз, справа и слева от неё стоят жилые дома, затем дорога переходит в широкий мост через овраг, а за мостом здание Дома офицеров флота.

Когда я была маленькой, ДОФ был единственным центром культуры. Он вмещал в себя всё: концертный зал, большое фойе, бильярдную, комнаты для занятий различных студий (почти в каждой было пианино) и даже бассейн, который был в правой части Дома офицеров на первом этаже. В этом бассейне мы иногда плавали. И, хотя он был небольшой, длина дорожки 25 метров, нам он очень нравился.

Но город рос, и решили построить в нём кинотеатр, место выбрали «удачное» – рядом с нашей школой, слева от неё, если стоять к школе спиной. Кинотеатр назывался «Север», и его близость не раз заставляла нас вместо уроков идти в кино. Наша директор боролась с этим всеми силами. Работникам кинотеатра было велено ребят на дневные сеансы «не пущать», но смены в школе было две, вот и разберись – сбежал ученик или учится во вторую смену.

Сколько разных фильмов посмотрели мы с подружками в кинотеатре «Север»! Можно было бегать туда через день или как позволяло свободное время. «Молодая гвардия», «Господин 420», «Гамлет», «Женщины», «Человек Амфибия»... невозможно перечислить названия фильмов, таких разных, хороших или плохих, что мы посмотрели первый раз в кинотеатре «Север».

Зимние развлечения

Подальше за кинотеатром «Север», если миновать здание со столовой и бухгалтерией, где работает моя мама, лежит озеро, одно из многочисленных озёр нашего края. Зимой, когда оно замерзает, на нём устраивается каток. Горят разноцветные лампочки, играет музыка. И, если позволяет погода, то есть не стоят жгучие морозы и не злится ледяной северный ветер, мы с девочками с удовольствием ходим по вечерам на каток.

Коньки у нас самые обычные, редко у кого фигурные, но кататься на них всё равно здорово. Катаемся парами, по одному или небольшой группой. Все летят по кругу под весёлую музыку. Сыплет лёгкий снежок, настроение прекрасное, несмотря на случайные падения или другие неожиданности. Когда идём с катка домой, ноги еле гнуться, варежки все в снегу, сейчас бы горячего чаю и спать.

На лыжах у нас можно кататься везде. Но мы ходим на Четвёртое озеро. Почему-то некоторым озёрам присвоены не имена, а номера. Обычно мы договаривались с нашими мальчишками, что в субботу после уроков или в воскресенье идём на лыжах.

Белый снег на солнце блестит так ярко, что больно смотреть, слезятся глаза. Идёшь по лыжне и смотришь вперёд сквозь прищуренные ресницы. И всё равно – всё так здорово! Ходили мы с Ирой кататься на лыжах и с Антипиным, и с Родиным, которого уже простили после собрания, и с Герчиковым. Это были очень приятные прогулки.

А когда погода показывала свой грозный северный характер – мы иногда и не учились. Отменялись занятия в школе из-за сильных морозов или страшной пурги, что не могло нас не радовать. Лишний раз не учиться – какой школьник от этого откажется?

Интриги

В конце января как-то после уроков Нелли Гавриловна задержала нас с Ирой и спросила:

– Девочки, у кого из вас на каникулах была моя пишущая машинка?

– У меня, – ответила я.

– Не писали ли вы на ней кому-нибудь письма? – последовал вопрос классного руководителя.

– Нет! – ответили мы с Ирой в один голос.

И тут Нелли нам поведала весьма занимательную историю. Оказывается, Альке и Гере на каникулах какие-то девчонки прислали напечатанное на машинке письмо, в котором предупреждали, что если Алька и Гера будут и дальше вести себя плохо по отношению к авторам письма, то последние перестанут с ними дружить. Подписи не было.

Вот Нелли, вспомнив, что кому-то из нас давала на время свою пишущую машинку, решила у нас узнать, не мы ли и есть авторы этого письма.

Разговор на этом закончился, но мы с Ирой, выйдя из кабинета биологии, наконец-то сообразили, почему отношения ребят к нам после каникул стали такими плохими. Не одна Нелли подумала, что письмо с условиями дружбы писали мы, – ребята тоже! Вот и демонстрируют своё неповиновение.

Ну что ж, благодаря любознательности нашей классной, мы и сами прозрели. Понятно стало – что и почему, но оправдываться или что-то выяснять мы не стали. Тем более, что времени прошло немало, и Алька с Герой поутихли в проявлении своей агрессивности. Но после этого разговора с Нелли остался почему-то неприятный осадок.

Грипп

Февраль, ещё всю метели и морозы, но по Мурманской области ходит грипп. Болеть не хочется, и поэтому, когда на уроке английского нам с моей соседкой Людой Шиповой велено пересест к окну, от которого так и веет холодом, мы отказываемся. Но, увы, меня это не спасает! И спустя пару дней я заболела.

Температура высокая, сил никаких, не могу даже читать, а только сплю. На следующий день становится полегче. Меня навестили мальчишки: Антипин, Родин. Сообщили, что Нелли тоже слегла с гриппом. Навестила и подруга моя Ира, чтобы через несколько дней свалиться самой.

Навещать друг друга во время болезни у нас было принято. Шли к одноклассникам сразу после уроков, а потом уже расходились по домам. Но эта традиция – навещать больных – не пропала и потом, когда в Полярном у многих появились телефоны. С ними стало удобнее: можно было позвонить и предупредить о своём приходе. Правда, во время эпидемии гриппа навещать больного лично было, наверно, не очень правильно.

Но, когда я поправилась и уже могла выходить на улицу, я первым делом навестила Иру, болезнь которой затянулась из-за осложнения на уши. Я пришла к ней с новостями: Юрка Герчиков – теперь мой сосед, так как переехал на третий этаж моего дома в моём же подъезде. Говорят, что и семья Тушканова тоже переехала, но куда – не знаю.

А я к этому времени жила с родителями в пятиэтажном «хрущёвском» доме на первом этаже, куда мы переехали из коммунальной квартиры. Прихожая малюсенькая, ванная и туалет – совмещённые, кухня маленькая, в большой проходной комнате – родители, а в маленькой – мы с братом. Наши кровати стоят параллельно друг другу. Возле моей – торшер: читаю я допоздна, а свет от торшера не мешает спать брату. У окна – письменный стол, за которым я делаю уроки. Пианино стоит в большой комнате. Квартира маленькая, но отдельная, мне нравится. Да и дом сам недалеко от школы на улице Фисановича. Почти все улицы в нашем городе названы именами героев Великой Отечественной войны.

Комсомол

Время идёт, и вот большинство ребят нашего класса вступает в комсомол. Вступление в комсомол проходило в два этапа. Сначала надо было пройти эту процедуру в школе, в первичной организации. Для этого требовалось, чтобы тебе дали две характеристики ребята-комсомольцы, чтобы ты сам принимал активное участие в общественной работе, чтобы прекрасно знал устав ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи), чтобы ты ответил на все вопросы, которые будут заданы на заседании комитета комсомола школы.

И если всё это будет преодолено, то тогда наступает второй этап – поездка в Североморск, где демонстрировать свои положительные качества и знание устава надо перед более высокой комиссией.

Устав мы не просто учили, а зубрили. Например, основные принципы демократического централизма. Один из них звучал примерно так: подчинение всех органов снизу доверху. Все остальные принципы вылетели из головы. Нами тщательно изучались все газеты, чтобы знать политическую обстановку в мире, читались книги и брошюры о пионерах-героях. Про себя мы с девочками живо обсуждали, кто достоин, а кто нет вступить в комсомол.

И вот мы стоим в коридоре в пристройке перед дверями Ленинской комнаты. Туда заходят по одному наши одноклассники, а когда выходят – мы все набрасываемся с одним вопросом:

– Что спрашивали?

Услышав ответ, либо успокаиваемся – это мы знаем; либо начинаем снова листать устав – где об этом написано. Волнение было таким сильным, что своё собственное появление в Ленинской комнате перед столом, застелённым зелёным сукном, помню смутно. Нарядные наши старшеклассники о чём-то меня спрашивали, я отвечала твёрдо, но вот что – совсем исчезло из памяти.

Только тогда, когда это испытание прошёл последний человек, нас вновь пригласили в Ленинскую комнату, назвали всех, кого приняли безоговорочно, и тех, кому были сделаны соответствующие рекомендации. Их было желательно выполнить до поездки в Североморск. Напряжение моё спало, и я уже могла разглядеть убранство Ленинской комнаты, которое заключалось в стоящих знамёнах, в различных стендах и плакатах патриотического содержания.

Через две недели нас везут в Североморск, но здесь процедура вступления гораздо короче и суше. Ну это и понятно, здесь принимают уже не классами, а школами, и нет времени на лишние разговоры.

И вот я комсомолка! Вместо красного галстука на моём чёрном переднике слева комсомольский значок: маленькое красное знамя с профилем Ленина на нём. Чувствую себя повзрослевшей, а когда нам вручают маленькие красные комсомольские билеты, то и причастной к общему большому делу. Но пока дело оказывается довольно маленьким, если говорить о членских взносах. Для школьников – это 2 коп. в месяц, но когда мы платим, то на каждой строчке нашего билета нам ставят штамп ВЛКСМ.

Большинство ребят нашего класса – комсомольцы, те, кто ещё не стал ими, – это люди второго сорта. И их жизненная цель, разумеется, тоже стать комсомольцем. Так мы думали тогда и не сомневались в своей правоте.

Конфликт

Наступила последняя четвертая четверть, и в апреле наш седьмой «в» взбунтовался против своей Нелли Гавриловны. События катились, как снежный ком. Какие-то мелочи, недовольствие друг другом привело к тому, что мы объявили своему классному руководителю бойкот.

Юность жестока и беспощадна, увы. Нелли Гавриловна слегла. Мы поостыли. Первыми проявили жалость и сострадание девчонки. Навестили учительницу и повинились в том, в чём были не правы. Вроде бы восстановился внешний мир. Мы тихо закончили седьмой класс, и больше классным руководителем Нелли Гавриловна у нас не была, а вскоре, как мне кажется, совсем ушла из школы.

Восьмой «В»

К восьмому классу Ира уехала из Полярного, её папу перевели в Ригу. Мы писали друг другу письма.

Но без подруг невозможно, и теперь моей подругой стала Света Зажирей. Конечно, я знала её и раньше, но издалека. Когда-то на новогоднем карнавале в Доме офицеров я увидела её в маскарадном костюме герцога Бекингема (Света очень высокая девочка), а её подруга изображала Анну Австрийскую. К своему стыду, я тогда ещё не читала бессмертный роман Дюма.

Света Зажирей жила в так называемом сталинском доме. Квартиры здесь были двухкомнатные, но комнаты больше, а потолки выше, чем в позже построенных хрущёвских домах. Комнаты располагались одна за другой, затем кухня, а параллельный им неширокий коридор упирался в двери ванной комнаты и туалета. Вполне стандартная и знакомая многим планировка.

Когда я уехала из Полярного, мои родители переехали в такую же квартиру, в сталинский дом. Я в ней не жила, бывала лишь на каникулах, поэтому квартира эта для меня осталась чужой.

Шла вторая четверть учебного года в восьмом классе, когда у нас появился новенький по имени Олег. В отличие от шумного, хулиганистого Тушканова Олега – его тёзка был тихим интеллигентным мальчиком в очках. Да к тому же отличником. Мы с девчонками никак не могли расслышать его фамилию, когда его вызывали к доске, пока на оставленной им тетрадке не прочитали: Хлопунов.

Хлопунов Олег жил в доме Светы Зажирей, только в другом подъезде. И, разумеется, я влюбилась теперь уже в этого Олега. Самое интересное, что мне казалось, что я ему тоже нравлюсь, поэтому я вела себя самым глупым образом.

При всей своей интеллигентности Хлопунов не отказывался принять участие в карточной игре, например, в «дурака», когда мы втроём (я, Света и он) собирались у Светы Зажирей. Об этом мальчике я не могу сказать ни одного плохого слова. Похоже, пока я была с ним знакома, он не совершил ни одного неблагоприятного поступка, не сказал ни одной дерзости. И надо признаться, что на общем фоне школьного разгильдяйства это было необычно и очень приятно.

Новый год

Помню уходящий 1965 год. Праздник Нового года для меня всегда был прекрасным. Большая нарядная ёлка в школьном актовом зале. Небольшие ёлочки, увитые серпантином, на перилах центральной лестницы, ведущей на 2-й этаж школы. Дома тоже всегда ёлка или на худой конец – сосна! С ёлками на севере напряжёнка. Новый год всегда праздновался весело, радостно. И вот проводили 1965 год. Ушедший год было почему-то жаль, даже саму цифру – 1965.

В конце января в нашем северном краю первый раз появляется солнце. Оно бледное, холодное, висит низко над горизонтом всего несколько часов, но как мы все ему рады! За долгую полярную зиму все уже устали от электрического света, который можно выключить около двух часов дня, а вновь включить уже около четырёх. Неудивительно поэтому, что и календарный приход весны в наших краях праздновался особенно, а назывался этот праздник «Проводы зимы». Зима в начале марта и не собиралась уходить с Кольского полуострова, но провожать её мы уже начинали.

Проводы зимы

Где-то в первых числах марта, может, и 8 марта, как выпадали по календарю выходные дни, в нашем городе устраивался праздник. Недалеко от кинотеатра «Север» проходили народные гулянья, с блинами, выпивкой, концертами, аттракционами и прочим. И весной этого года мы тоже провожали зиму. Тётя Рая со своей семьёй собиралась прийти к нам в гости, поэтому я попросила у неё разрешения пригласить своих знакомых ребят в её квартиру. Мне было разрешено.

Прежде, чем прийти туда с ребятами, я пошла на тётушкину квартиру наводить порядок. Насколько это было возможно – убрала на кухне, в большой комнате. Планировка квартиры у Раисы была уже лучше. Две комнаты, но обе непроходные.

Поболтавшись затем с ребятами в местах праздничного скопления людей, мы отправились в Палую губу в свободную от взрослых квартиру. Путь туда проходит по мосту, надо обогнуть сопку, а потом по мосту через озеро в гору к дому тёти Раи. Было нас человек 5–6; среди них, конечно, Олег Хлопунов.

Разговоры, танцы, общий хохот. Но осталось ощущение какой-то лёгкой грусти.

Новое знакомство

Мои занятия музыкой проходили в Доме офицеров по понедельникам и четвергам. Зоя Михайловна не отличалась чрезмерной пунктуальностью, и порой я приходила на занятия зря. Так случилось и на этот раз. В классе было пусто. Посидела, подождала. К инструменту не подошла. Надоело. Учительницы нет, прекрасная возможность побездельничать!

Но оказалось, что на этот раз не одна я напрасно ждала свою учительницу. На первом этаже возле раздевалки стояла девочка из параллельного 8-го «а» Наташа Дергачёва.

– Привет, – сказала я на всякий случай, близко мы не были знакомы.

– Привет. Ты тоже к Зое?

– Тоже. И, к счастью, напрасно. «Элегию» Калининкова замучила, а толку мало. Может, Зоя совсем не придёт?

– Давай подождём ещё минут 15 и уйдём.

Мы уселись на теннисный стол, который стоял недалеко от раздевалки, и принялись болтать. Сначала о музыке, потом о школе, потом обо всём сразу: разве девчонки не найдут, о чём поговорить?

Наташа была красивой девочкой. Может, она не обладала красотой классической, но большинство ребят восьмых классов считали её самой красивой девочкой в школе, поэтому мне были лестны и это знакомство, и этот разговор.

15 минут уже давно превратились в 45, и нам давно было пора домой. На улице валил снег. От ДОФа дорога прямо и вверх вела к нашей школе и к моему дому. Наташе надо было в другую сторону, в Палую губу. Мы расстались, но встречаясь в школе, общались как добрые подруги.

Снова каникулы

Весной 1966 я сдавала выпускные экзамены за восьмой класс. Этот процесс проходил у меня всегда без проблем, и вот мы уже едем в деревню.

Остановившись на день в Москве, как всегда посетили «Детский Мир», где мне купили чудные беленькие туфельки на небольшом каблукке. Вот эти самые туфельки и сыграли некоторую роль в моей небогатой событиями жизни.

Вечером в клубе танцы. Отправились мы с Ленкой потанцевать, я надела новые белые туфли, а возле клуба сидят незнакомые парни и обсуждают приближающихся девчонок. Подходим мы с Ленкой, один из парней говорит: «А эта в белых лодочках, ничего». Это про меня! Ах, мои белые лодочки, и на меня обратили внимание!

Но познакомилась мы с этими ребятами далеко не в первый вечер. Хотя уже успели узнать про них, что они из Инякино, а тот, что обратил внимание на меня, – москвич. Зовут Саша Солянов. В наш клуб они приезжали из Инякино на велосипедах и не каждый вечер. А когда приезжали, то после танцев мы гуляли всей компанией. Трое ребят и трое девчонок. Казалось, все очень влюблены. Но, когда наконец разошлись парами, поймала себя на том, что не знаю, что с этим Сашей делать и о чём с ним говорить. А встречались всё время в сумерках или в полной темноте. Интересно, понравились ли бы мы друг другу при свете дня?

Этим летом посмотрела я в деревне французский фильм «Шербургские зонтики». Как он мне понравился! Как хотелось быть такой же элегантной, как героиня фильма! Как хотелось такой красивой жизни!

А в реальной подошло время отъезда из деревни. Автобус везёт нас в Шилово. Останавливается в Инякино, а на остановке двое моих инякинских знакомых машут мне руками. Я знала, что они будут, договорились, но мама моя была изумлена. «У тебя есть знакомые в Инякино?» А я важно подумала: «Милая мамочка, у меня есть знакомые и в Москве!»

В Шилово с шумом, гамом и толкотнёй погрузились в проходящий поезд. Вагон был сидячий, мне страшно понравился. Я сидела в кресле, смотрела в тёмную ночь и сочиняла стих на мотив популярной тогда песни «Опять стою на краешке Земли, опять плывут куда-то корабли...»

А стих получился такой:

*Опять стою на краешке села,
Смотрю туда, куда тропа ушла,
По ней, по ней уехал милый мой,
Когда ж, когда ж мы встретимся с тобой?*

Это припев. Сочинила и куплеты, но память не сохранила их так чётко. Тогда же, вернувшись в Полярный, стихи записала и отправила Ленке, которой они очень понравились.

Итак, до Москвы я творила. А в Москве, перетаскиваясь с Казанского вокзала на Ленинградский, я вертела головой в глупой надежде, что мелькнёт знакомое (?) лицо Саши Солянова. Экая наивность!

Девятый «в»

Вернувшись в Полярный, среди газет и журналов, пришедших за лето, я нашла письмо от Иры Буниной. Она писала о летнем отдыхе в Сочи, о своей жизни в Риге, в письмо вложила свою фотографию, на которой она красивая, с высокой, модной в то время причёской, взрослая. Но, к сожалению, наша переписка со временем прекратилась, и Ира Бунина затерялась «где-то, в узких улочках Риги».

Мои теперешние подруги – Света Зажирей и Наташа Цепелевич. Наташа появилась в нашем классе в конце прошлого учебного года. Милая спокойная девочка с прекрасной светлой длинной косой. Характеры у нас троих были разные, как и темперамент, но тем не менее мы дружили.

Первый учебный день начался нормально. Мы со Светиком пришли пораньше, чтобы занять места получше. Наташа опоздала: папа поздно её разбудил. Класс в основном такой же, как в прошлом году. Прибавилась одна второгодница, одна новенькая (Лариса Журавель), человек десять ушли, кто уехал, кто поступил в техникумы. Всё как обычно. Новый учебный год – новый состав класса.

Хлопунова ещё нет. Он месяца полтора пробудет в Кронштадте.

Много новых учителей. Классный руководитель в нашем девятом «в» – учительница русского языка и литературы Регина Всеволодовна Красильникова.

Письмо

После уроков я пришла из школы и вижу в почтовом ящике газеты, а из-за газет торчит уголок письма. С бьющимся сердцем несу письмо в квартиру адресом вниз, чтобы не видеть сразу от кого. Молниеносно сбрасываю пальто, платок, подхожу к столу. В голове только одна мысль: «От Саши, не от Саши?»

Нет, не от Саши. От Тани Шитовой, из деревни. Распечатываю и читаю: «Ленка, достала для тебя фото Саши». Меня бросает в жар. Смотрю на себя в зеркало и вижу пылающее лицо. Не ожидала, что я так отреагирую на это известие. Взволнованная хожу по квартире: «У Ленки фото Саши!..» Сразу же сажусь и строчу ей письмо: «Леночка, милая, пришли мне его фотографию». Теперь буду считать денёчки до ответного письма.

Ленка мою просьбу выполнила, фотографию прислала. Она оказалась довольно маленькой, любительской, и человек, изображённый на ней, весьма отдалённо напоминал летнего знакомого. Сам Саша мне не написал, я ему писать не решилась, и это летнее приключение постепенно забылось.

Тамара и Таня

Если Света и Наташа – довольно близкие подруги, то есть ещё просто подруги: Тамара Воробец и Таня Старостина. Девочки спокойные и серьёзные. Даже на нашей общей фотографии, сделанной в декабре 1966 года, когда мы специально пошли в фотографию, они обе с серьёзными лицами.

Как-то на одной из перемен попросили нас с Тамарой отнести в актовЫй зал портЬеры на окна. Вошли мы в зал, закрыли за собой дверь, портЬеры положили на место. Из коридора доносится шум и гам перемены, а в зале довольно тихо. Стулья сейчас стоят по периметру зала, который от этого кажется больше, паркет блестит, так и хочется закружиться на нём в танце. Но пора идти, сейчас прозвонит звонок.

Но не тут-то было! Дверь не открывается: ручка с внутренней стороны сломана, и мы не можем её повернуть! Кричим, стучим в дверь, чтобы нас с той стороны открыли, но нас никто не слышит. Во время перемены стоит такой ор, что наши крики из-за двери просто не слышны.

Вдруг Тома ка-а-а-к нажмёт на ручку, дверь и открылась, мы вывалились в коридор, в общий гвалт, с хохотом рассказывая знакомым, как мы вдруг оказались отрезаны от мира. Теперь мы оценили всю комичность ситуации!

Новенькая наша, Лариса Журавель, сидит со мной. На первый взгляд она малоинтересная тихая девочка. Но хорошая ученица. С заданиями по всем предметам справляется быстро и самостоятельно.

Как-то на математике ей задали вопрос, она на него прекрасно ответила, а я в этот момент случайно взглянула на Тушканова. О! Боже мой! До чего же противная у него была физиономия. Облизнулся, посмотрев на Ларису, наклонился к Жаркову, что-то шепнул и захихикал. Наверняка шепнул что-нибудь мерзкое и подленькое. Он способен теперь только на такие разговоры. Наши прежние дружеские отношения давно пошли на убыль, а с отЪездом Иры прекратились совсем. Может, это и к лучшему.

К сожалению, первое впечатление о нашем классе в начале учебного года оказалось обманчиво, и класс наш не так уж и хорош. Девчонки и парни – это два лагеря, которые ведут между собой редкие и кратковременные переговоры. А в каждом лагере и мальчишки, и девчонки разделены на группы по несколько человек. Ни о какой классной дружбе и речи нет. Все сами по себе.

Время идёт без каких-либо интересных дел и событий. Наступил октябрь. Приехал Хлопунов. Как бы я ему обрадовалась прежде, а теперь мне всё равно. Я к нему отношусь, как пишут в книгах, «с холодным равнодушием».

Учителя задают безбожно. Приходится много учить, а учусь я в этом году – как никогда, троек нахватала! Уйму. Не знаю, какие оценки будут за четверть.

А за окном воеет ветер, тоску нагоняет. Я сегодня болею, в школу не ходила, весь день занимаюсь музыкой, читаю да письма пишу.

Светин день рождения

На свой день рождения Света Зажирей пригласила 7 девчонок и 6 ребят из нашего класса. Мы с девчонками сложились и пошли покупать ей подарок. Но разве можно купить что-нибудь стоящее в нашем городе?

В Циркульном магазине, если стоять к нему спиной, а лицом к заливу, слева – продуктовые отделы, а справа – промтоварные. Там торгуют игрушками, пластинками, фотоаппаратами, косынками, статуэтками, украшениями и парфюмерией. Мы долго стояли возле каждого отдела, но так и не решились ничего купить. Пошли в книжный.

Книжный магазин находится за нашей школой, если спустаться от школы не в сторону Дома офицеров, а в противоположную. Там настроили много пятиэтажек, в одной из них когда-то жила Ира Бунина, а в другой на первом этаже находился книжный магазин. Выбор книг у нас был неплохой. А торговала книгами очень необычная женщина. Высокая, сухая, довольно пожилая, всегда с чёрным лаком на ногтях. Помню сначала меня шокировал этот чёрный лак, я не могла оторвать глаз от её тонких рук с ухоженными длинными и чёрными ногтями! Но потом от кого-то узнала, что так своеобразно она носит траур по погибшему мужу; со временем привыкла и перестала обращать внимание на такой необычный цвет ногтей.

А сама продавец была женщиной интеллигентной, начитанной и всегда помогала нам сделать выбор, если сами мы затруднялись. Обратились за помощью мы к ней и теперь, так как нам трудно было что-либо выбрать самим: у Светиных родителей была неплохая библиотека. На полках стояли подписные издания, в том числе и Проспера Мериме, томик которого Света давала мне читать, и «Венера Ильская» произвела на меня сильное впечатление.

С помощью продавца мы купили Свете книгу, потом ещё небольшой сувенир, и вот мы у Светика. Сели за праздничный стол, который был уставлен разными салатами, а когда насытились – решили потанцевать. Вот тут-то и испортилось у нас настроение! Не парни у нас, а кисейные барышни. Сидят, не танцуют, беседуют между собой, делая вид, что страшно увлечены. Мы с девчонками танцуем сами, но нам обидно, что ребята себя так ведут. Нам-то хочется танцевать с ними, а не друг с другом. Первым осмеливается Володя Жарков и приглашает Таню Старостину, а потом и остальные ребята стали танцевать. Атмосфера стала сразу более приятной. А когда Володя принёс из коридора гитару, которую он, оказывается, взял с собой, то стало просто здорово.

Мы с удовольствием слушали, как он поёт. По возможности подпевали сами. А меня попросили спеть «Полярную звезду».

*Пурга в тайгу умчалась, с ветром споря,
И на снегу не видно ни следа.
Лишь в темноте над самой головою
Горит далёкая Полярная звезда.*

Эту песню знала я одна, ребята подпевали последние две строчки куплета. А знала я её от ребят из ТЮПа.

ТЮП

В нашей школе был Театр Юного Полярника, сокращённо ТЮП. Какое-то время я была далека от него, он меня не занимал. Но прошлой весной на одном из выездных концертов в Североморске, после своего сольного выступления я сидела в зале и смотрела небольшую постановку нашего ТЮПа. Тогда это меня заинтересовало, и я стала появляться на репетициях театра.

Весной ставили «Снежную королеву» Шварца. Королеву, красивую, холодную и надменную, играла, конечно, Наташа Дергачёва. Недаром она считалась самой красивой девочкой в школе. Мне в этом спектакле нашлась работа аккомпаниатора. Под бравурную и задорную музыку горланили песни разбойники, а все печальные песни пришлось на долю Герды.

После лета я стала появляться в ТЮПе уже на вполне законных основаниях. Руководитель театра, Галина Николаевна Зыкова, учительница нашей школы, собиралась ставить современную пьесу Натальи Долининой «Они и мы».

В ТЮПе были ребята из разных классов. Из моего пришли со временем Володя Жарков, Женька Коломников, а девчонки почему-то не проявили к театру никакого интереса.

А мне нравилось ходить на репетиции, которые проходили по вечерам в актовом зале нашей школы. Освещена только сцена, зал в полумраке. В центре зала сидит Галина Николаевна (ГНЗ – как её за глаза называют ребята) и проводит репетицию. Те, кто занят в отрывке, находятся на сцене. Те, кто пока свободен или совсем не участвует в этой пьесе, тихонечко сидят в зале за ГНЗ, чтобы никому не мешать.

Репетиции всегда проходят интересно. Во-первых, интересен сам процесс создания спектакля, во-вторых, интересны ребята, которые не просто как манекены выполняют те или иные команды ГНЗ, а ещё проявляют свою индивидуальность и юмор. Порой из-за небольшого, но меткого замечания Коли Куташова мы хохочем так, что ГНЗ вынуждена приостановить репетицию.

Жизнь моя стала значительно интереснее и насыщеннее с появлением в ней ТЮПа и всего, что связано с ним.

И вот сегодня в семь часов вечера я иду на очередную репетицию. Шестого ноября у нас первый показ отрывка из спектакля, в котором у меня роль Ритки Слыщенко. Но кто будет играть на премьере – ещё неизвестно, вместе со мной эту роль играет Ира Брянцева. А пока репетиция, в которой по очереди принимаем участие и я, и Ира. В конце репетиции Галина Николаевна объявляет, что 6-го играть буду я. И радостно и страшно!

Дебют

Наступило 6 ноября. В школе вечер для 9-10 классов. На этом вечере мы и показываем первую картину из пьесы «Они и мы». В картине занята Наташа Дергачёва, Коля Куташов, Володя Бутырский, Володя Макаркин, Петя Ефременко – все из 9-го «а». Петя Ефременко играл роль Костоеда, то есть Костоедова. Пока мы с ним репетировали, никаких эмоций он у меня не вызывал. Но в это вечер...

Итак, я Ритка Слыщенко. Роль, надо сказать, далеко не положительная.

Отрывок, который мы показывали, – это собрание комитета комсомола школы. И Коля Куташов произносит такую реплику:

– Ритка Слыщенко воровала деньги и вещи у товарищей.

Вот такая роль. И, несмотря на то, что Ритка сидит как бы на скамье подсудимых, выглядеть она должна, по замыслу ГНЗ, довольно ярко. Поэтому на меня надели чей-то шикарный свитер, подвели глаза.

Во всеобщем оживлении моё волнение улеглось, и на сцену я вышла довольно уверенно. Ребята нашей школы – зрители доброжелательные, поэтому играла я даже с удовольствием, и, когда картина закончилась, мы ушли со сцены под аплодисменты довольных зрителей.

После спектакля начались танцы. К моему большому удивлению и удовольствию – Петя пригласил меня танцевать. Он очень симпатичный. Тёмные волосы, большие серые глаза, высокий и стройный. Поэтому совсем не удивительно, что после танцев я шла домой с мыслями о Пете.

На следующий день, седьмого ноября, было ТЮПовское чаепитие. Помимо распития чаёв – устроили импровизированный концерт. Через пару минут репетиций на сцену выходили все желающие развлекать и развлекаться. Хохоту было море. А после концерта танцы без разбора. Танцевали и Летку-Енку, и твист, и шейк, не говоря уже о вальсе и танго. Я танцевала с Володей Макаркиным и Петей.

После чаепития всей гурьбой отправились гулять. От школы дорога вниз. Шеренга девчонок, за ней шеренга мальчишек, идём и поём песни:

– Была бы только ночка, да ночка потемней!

А потом все выстроились паровозиком и начали отплясывать Летку-Енку под собственный аккомпанемент. Редкие прохожие смотрели на нас с удивлением, но не делали никаких замечаний.

Лариса Журавель

Моя жизнь как бы разделилась на две части: одна – интересная и приятная в ТЮПе, вторая – обыкновенная и скучноватая в классе. И к этой классной обыденности ещё примешивались разные мелкие неприятности.

Например, не успев как следует подружиться с Ларисой Журавель, мы с девчонками вдруг в пух и прах с ней разругались. И во всём виновата она! Уж слишком высоко ставит она себя и слишком низко нас, причём не пытается это скрыть!

Вот, например, сидели девчонки днём у меня, были и мальчишки. Они все ждали меня, чтобы идти гулять, пока я мыла посуду. Девчонки занялись картами, и тут Журавель говорит:

– Девочки, какой у вас узкий круг интересов.

И это при мальчишках!

Или вот. Было у нас комсомольское собрание, посвящённое смене комсомольских билетов. Состояться оно должно было в подплаве у памятника погибшим матросам, и мы, выстроившись колонной, под звуки оркестра отправились в подплав. А Журавель сзади идёт и говорит:

– Боже мой! Как всё это глупо!

Нет! Вы только посмотрите! Для неё смена комсомольских билетов – глупости! Оба эти случая переполнили чашу нашего терпения, и мы решили прекратить с ней всякие отношения.

7-го ноября, когда весь наш город выходит на праздничную демонстрацию, мы старательно не замечали её. И когда строились в колонны возле школы, и когда шли к подплаву, где на месте бывшего памятника Сталину сооружена импровизированная трибуна, на которой стояли важные люди нашего города и с которой нам выкрикивали разные лозунги, а мы с упоением кричали: «Ура!!!»

А Лариса, словно рыба-прилипала, схватила Свету за руку и ходила за ней до конца демонстрации. Но она поняла, чего мы добиваемся. И, когда просталась со Светой, сказала, что видит, как мы её ненавидим, а Таня Старостина – так терпеть не может. И разревелась. Но это нас не тронуло.

Поэтому 8-го ноября мы с девчонками собрались у меня без Журавель. Наташа Цепелевич, Света, Тамара и Таня. Отмечали мы годовщину октября бутылкой вина «Рубин», тортом и конфетами. Родители ушли в гости к тёте Рае, и квартира была в нашем распоряжении. Мы душевно пообщались.

А на следующий день ко мне пришла Света и сообщила страшную весть о том, что Ларису Журавель, которая не отличалась хорошим зрением, вскоре ждёт почти полная слепота. Она сможет различать лишь чёрное и белое, ей совершенно нельзя волноваться, иначе этот процесс ускорится. Света сразу же вошла в её положение, и они уже сегодня вместе ходили в кино.

Честно говоря, новость произвела на меня тягостное впечатление, хотя я по сей день не знаю, насколько она соответствует истине, но своё решение не дружить с Журавель мы изменили. И даже решили с девчонками честно поговорить с ней.

Собрание

12 ноября в нашем классе было открытое комсомольское собрание. Открытое – это значит, что на него могли прийти и не комсомольцы, а на самом деле – это обязательное для всего класса собрание. Оно называлось «Береги честь смолоду».

Сначала выступали подготовившиеся заранее. Это Журавель, за ней Норинский. Конечно, классный руководитель Регина Всеволодовна. Она на самом деле затронула многие наши проблемы, а в частности – водораздел между мальчиками и девочками. Предложила высказаться.

Как всегда высказывались Зажирей, Комракова, снова Зажирей. Регина уже собралась закрыть собрание, но тут слово попросил Антипин, потом Жарков, потом Герчиков. И пошёл настоящий разговор по душам. Говорили почти два часа, с часа до трёх. И мальчишки, и девочки, кажется, многое поняли. Во всяком случае, когда Регина сказала, что надо вымыть парты, никто не заорал, протестуя, как это было прежде, а принялись мыть парты.

Вымыв свою, мы с Наташей Цепелевич сбегали в столовку, купили булки, чтобы накормить класс. И, когда мы бегали на первый этаж за булками, я видела Петю: он входил в школу как раз в тот момент, как я читала объявление о субботнем вечере. Поздоровался.

Ну вот, парты вымыты. Все ушли. Остались только мы, пятеро девчонок, и Журавель. Девчонки всё ещё под впечатлением собрания, переполнены эмоциями и любовью к ближнему. Поэтому и с Журавель поговорили неплохо, по душам. Но мне кажется, что Лариса всё равно осталась при своём мнении.

Школьный вечер

В 7 часов вечера, как обычно по субботам, начался школьный вечер. Он был не праздничный, рядовой, какие в нашей школе устраивались почти каждую субботу. Народу было мало, танцевать не с кем. Я всё ждала, что меня пригласит Петя, сама-то я этого делать не собиралась. И он пригласил, потом ещё, потом мы с ним танцевали твист, но, когда вечер кончился, домой я шла одна. Петя меня не провожал.

Погода была чудесная, сидеть дома не хотелось, я сбегала за Журавель, с которой мы теперь поддерживаем дипломатические отношения, и пригласила её гулять в надежде увидеть Петю, но все мальчишки после вечера куда-то подевались. Поэтому мы погуляли вдвоём, болтая о том о сём и не вспоминая недавний конфликт.

Ноябрь

Кончается ноябрь, в разгаре вторая четверть. Времени ни на грош. Учёба, учёба! Таня Старостина отдыхает: у неё ангина. У меня тоже горло болит весь сегодняшний день, но лежать дома не хочу. Пришла в школу, в которой всё однообразно и даже уныло. Или это настроение такое? Унылое.

В прошлое воскресенье ходили вечером с девчонками из нашего класса на прогулку. Сначала навестили больную Таню Старостину, которая живёт в Палой губе, потом вернулись к Дому офицеров, а от него в парк, который рядом со стадионом. Сели в парке на скамеечку, задрали головы и любимся небом. А небо сегодня чудное! Чёрное-чёрное! И яркие звёзды.

Мимо нас к качелям направляются трое ребят, краем глаза я замечаю Петю – и настроение сразу улучшается. Парни сели на другую скамеечку, обращённую к стадиону. Казалось бы, вот удобный случай погулять вместе, но, подчиняясь какому-то глупому порыву, я потащила девчонок на стадион.

Спустились к трибуне, она завалена по колено снегом, а внизу, в темноте чувствуется простор стадиона. Почему-то захотелось громко покричать на этом просторе, что вызвало безудержный смех. С хохотом спустились по засыпанным снегом ступенькам на стадион, а потом ушли через другой выход, мимо подплава, и вверх по лестнице – к Циркульному магазину.

Выходим на улицу, и Тамара вполголоса говорит:

– Девочки! Смотрите, Журавель...

Мы смотрим туда, куда показывает Тамара, – около магазина, который в это время закрыт, стоит наша Журавель с каким-то взрослым парнем в серой куртке и берете. Вот это да! Мы, конечно, прошли туда-сюда, чтобы разглядеть кавалера получше. На наш взгляд, он очень взрослый, ну буквально под тридцать. С Журавель он уходил под руку. Мы поохали, поохали и продолжили нашу прогулку. Опять повстречали Костоеда с его парнями, но прошли мимо. Вот уже 9 вечера, пора домой. И настроение уже совсем не такое весёлое.

Встречаемся с Петей на репетициях ТЮПа, иногда танцуем вместе на школьных вечерах, вот и все наши отношения.

Недавно Хлопунов заходил ко мне за тетрадкой по английскому. Рассчитывал посидеть у меня, переписывая, но я всучила тетрадь так, что ему пришлось уйти домой. Раньше бы я так не сделала, а теперь свободно!

Наконец Таня Старостина вышла после ангины. От физкультуры она освобождена, а я освободила себя сама, и мы чудесно с ней проговорили весь урок, гуляя по этажам школы. Везде идут уроки, тишина, полумрак, никого нет. Хорошо, спокойно. И вспомнили мы с ней наш 5 «г», наших милых мальчиков, которые уже уехали из нашего города. Сашу Назарова, Валеру Смирнова. Хорошие ребята, не то что теперешние. Вот недавно был такой хороший разговор, но разве что изменилось? Дошла очередь и до тайн сердечных.

Оказывается, Вовка Жарков нравится Тане, и он написал ей письмо, предлагая свою дружбу, которую Таня не отвергла. Вовка после этого изменился, стал скромнее, вежливее, приятнее. Конечно же поговорили и о Костоеде. Завтра опять школьный вечер, придёт ли он?

А дома, уже поздно вечером, звонил мне по телефону некий тип, который не представился. Сначала интересовался номером телефона Журавель, потом – чем я занимаюсь, пойду ли завтра на вечер, а мне почему-то стало так противно после этого звонка!

Вечер поэзии

Суббота, очередной вечер для старшеклассников. Тематический вечер поэзии. Мы с девочками, нарядные, идём по коридору, ищем свободный класс, где бы можно было посидеть до начала вечера. Заглядываю я в какой-то класс. Первого, кого вижу, – это Петю! У меня сразу улучшается настроение, и я бегу вприпрыжку в пристройку, где есть свободные классы.

Начинается поэтическая часть вечера. Со сцены ребята разных классов читают стихи. Я их слышу плохо, зато часто ловлю на себе взгляды Пети, предвкушая, что мы будем сегодня танцевать.

Но вот начинаются танцы, а Петя почему-то не танцует. Приглашают меня разные парни, а он сидит. Иногда ловлю его взгляд, но танцую с другими. Настроение падает и падает. Наконец Петя идёт танцевать, но приглашает других девочек. А тут ещё меня пригласил десятиклассник, и по его голосу я понимаю, что это он звонил мне вчера. Стало так противно! И ещё противнее подумать о том, что он может пригласить меня снова. Прячусь за спинами девочек, когда начинается следующий танец.

А Костоед танцует с другими. Редко, но танцует. На глаза наворачиваются слёзы. А тут ещё Таня говорит:

– Светик, да плюнь ты на всё!

Но я больше не могу:

– А что бы ты делала на моём месте? – взрываюсь я и бегу из зала.

Влетаю в первый пустой класс и даю волю слезам. Реву. Становится немного легче. Вытерев слёзы, опять иду в зал, с кем-то танцую. Ребята из радиорубки, где они крутят разные пластинки для нас, объявляют предпоследний танец. Вижу, что Петя идёт ко мне, но его опережает Куташов. И, когда я иду с ним танцевать, через весь зал вижу Петю, который остановился на полдороге и смотрит на меня! О боже! Зачем пригласил меня этот Куташов? Он прекрасный парень, я бы с ним с удовольствием потанцевала, но не сейчас!

Последний танец. Петя опять делает попытку меня пригласить, но его вновь опережает какой-то незнакомый тип, которому я отказываю, но Петя уже приглашает другую. Я иду танцевать с одноклассником, потому что он мне приятнее, чем предыдущий тип. Вечер окончен.

Но тут ещё одна, правда, уже не моя неприятность: у Наташи Цепелевич исчезли сапоги. Обыскали всю раздевалку – нет. Надела те, что были лишними в раздевалке, и пошла домой со слезами на глазах. Какими разными бывают поводы для слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.